

FORGOTTEN REALMS

Гимн Хаоса

Роберт Сальваторе

Забытые королевства: Клерикальный квинтет

Роберт Сальваторе

Церковная песня [Гимн Хаоса]

1991

Сальваторе Р.

Церковная песня [Гимн Хаоса] / Р. Сальваторе —
1991 — (Забывтые королевства: Клерикальный квинтет)

Зловещий Замок Тринити, оплот мрачной секты, поклоняющейся злomu божеству, получил в свое распоряжение страшное оружие, с помощью которого намеревается погрузить земли Забытых Королевств в хаос. Первый удар решено нанести по древней сокровищнице знаний и центру просвещения – Библиотеке Назиданий, которая стала родным домом для юного Кэддерли, жизнерадостного и любознательного жреца Денира. Именно ему предстоит встать на защиту цитадели мудрости и сразиться с могущественным некромантом. Впервые выходящий на русском языке «Гимн Хаоса» Роберта Сальваторе открывает цикл «Клерикальный квинтет» из всемирно известной саги «Забывтые Королевства». Читателя ждет встреча с уже любимыми героями и новыми персонажами.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Любимец белой белки	7
Глава 2. Посланник Талоны	15
Глава 3. Даника	23
Глава 4. Песнь	28
Глава 5. Знать своих союзников	34
Глава 6. Пыль и вода	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Роберт Энтони Сальваторе

Церковная Песня

Пролог

Абалистер Бонадьус долго всматривался в мерцающее изображение в зеркале. Перед ним бесконечно простирались горы надутого ветром снега – самое недоступное место во всех Королевствах. Все, что нужно было сделать, это ступить сквозь зеркало на Великий Ледник.

– Так ты идешь, Друзил? – сказал волшебник своему, похожему на летучую мышь, импу.

Друзил обернул кожистые крылья вокруг себя, словно собирался обдумать этот вопрос в одиночестве.

– Не так уж мне нравится холод, – ответил тот, явно не желая принимать участие в охоте.

– Мне он тоже не нравится, – ответил Абалистер, надевая на палец зачарованное кольцо, которое должно было защитить его от убийственного холода. – Но йот растет только на Великом Леднике. – Абалистер посмотрел на сцену в магическом зеркале – последний шаг к завершению его поисков и началу завоеваний. Снежная пустыня была тиха, хотя темные облака нависали над головой, обещая неминуемую бурю, которая задержит охоту, возможно на много дней. – Вот туда нам и надо, – продолжал Абалистер, разговаривая больше с собой, нежели с импом. Его голос переходил в бормотание, по мере того, как мысли возвращались к поворотной точке его жизни – два года назад, во Времена Бедствий.

Аватар богини Талоны показал ему путь.

Усмешка Абалистера переросла в смех, когда он обернулся, чтобы взглянуть на Друзила – импа, который поведал ему как лучше всего уважить Госпожу Яда.

– Пойдем, дорогой Друзил, – позвал волшебник. – Ты принес рецепт проклятия хаоса. Ты должен пойти со мной и помочь найти его последний компонент.

Услышав о проклятии хаоса, имп расправил крылья. На этот раз он не стал возражать. Неторопливый взмах крыльев перенес его на плечо Абалистера, и они прошли сквозь зеркало вместе.

Горбатое и волосатое существо, отдаленно напоминающее человека, с рыком бросило грубо сделанное копье, хотя Друзил и Абалистер явно были вне пределов его досягаемости. Оно снова взвыло, на сей раз победоносно, как будто его бросок сгодился для некоей символической победы. Затем оно вернулось к своим белым лохматым товарищам.

– Кажется, они не собираются с нами договариваться, – сказал Друзил, переминаясь с одной когтистой лапы на другую, на плече Абалистера.

Волшебник понимал возбуждение своего фамильяра. Друзил был созданием с нижних планов, созданием хаоса, и он отчаянно хотел посмотреть, как его хозяин справится с этими наглыми дураками – просто еще одна радость в дополнение к долгожданному дню победы.

– Они зовутся Таер, – объяснил Абалистер, узнавший это племя. – Грубые и свирепые. Ты прав. Договариваться они не будут. – Внезапно, глаза Абалистера блеснули, и Друзил опять подпрыгнул и хлопнул лапками.

– Они не понимают Силу, которая стоит перед ними! – закричал Абалистер, его голос нарастал вместе с яростью. Все страшные испытания двух долгих и жестоких лет пробежали в его голове за несколько секунд. Сотня человек погибла в поисках неуловимых ингредиентов для проклятия хаоса; сотня человек погибла только, чтобы Талона была довольна. Абалистер тоже не смог избежать неприятностей. Завершение Проклятия стало для него наваждением, единственной движущей силой его души, и каждый шаг стоил ему нескольких годов жизни, он рвал на себе волосы каждый раз, когда проклятие в очередной раз ускользало. Сейчас он был

близок, так близок, что мог видеть темные кустики *йота* за небольшим гребнем, в котором были нарыты пещеры Таер. Так близко, но эти проклятые, тупые существа стояли у него на дороге.

Слова Абалистера потревожили Таер. Они ворчали и подпрыгивали в тени зубчатой горы, толкая друг друга вперед, как будто пытаясь выбрать вожака, который поведет их в атаку.

– Сделай что-нибудь быстрее, – предложил Друзил со своего насеста. Абалистер посмотрел на него и чуть не рассмеялся.

– Они нападут, – объяснил Друзил, стараясь, чтобы его голос звучал беспечно, – и, что гораздо хуже, мои крылья начинают замерзать.

Абалистер кивнул здоровым словам импа. Любая задержка ему дорого обойдется, особенно если нависшие облака разразятся метелью, которая спрячет и *йот* и мерцающий проход в уютную комнату Абалистера. Он достал крошечный шарик – смесь серы и помета летучей мыши, раздавил в кулаке и направил палец на группу Таер. Слова заклинания эхом отражались от горы и голого льда, и он улыбнулся, подумав как забавно было, что глупые Таер не имели ни малейшего представления, что он делает.

Мгновение спустя, они это выяснили.

Прежде чем заклинание сорвалось с рук, Абалистер слегка поднял указательный палец. Огненный шар взорвался над головами ошеломленных Таер, разрушая застывшие подпорки ледяной горы. Огромные куски льда посыпались вниз, а поток воды унес тех, кто не был раздавлен. Некоторые вояки барахтались в воде с ледяным крошевом, слишком пораженные, чтобы заметить, что озеро вокруг них быстро замерзает.

Одно несчастное создание все-таки сумело освободиться, но Друзил вспорхнул с плеча Абалистера и спикировал на него. Хвост импа, заканчивающийся когтем, ударил, когда тот пролетал мимо спотыкающегося существа и Абалистер с воодушевлением заплодировал.

Таер схватился за ужаленное плечо, с удивлением посмотрел на удаляющегося импа и замертво рухнул на лед.

– Что с остальными? – спросил Друзил, приземляясь назад на свой насест. Абалистер осмотрел оставшихся Таер, в основном мертвых, хотя некоторые тщетно пытались освободиться из сжимающихся тисков льда.

– Пусть они медленно умирают, – ответил он и злобно рассмеялся.

Друзил недоверчиво взглянул на него.

– Госпожа Яда этого не одобрит, – сказал имп, помахивая своим отравленным хвостом.

– Ну, хорошо, – ответил Абалистер, хотя понимал, что Друзил скорее хотел доставить удовольствие себе, нежели Талоне. Впрочем, довод был сильным; яд – лучшее средство завершения работы для богини. – Леги, закончи начатое, а я соберу *йот*.

Немного позже, Абалистер срезал последний серо-коричневый гриб и бросил его в сумку. Он позвал Друзила, который играл с последним хнычущим Таер, щелкая хвостом вокруг его судорожно дергающейся головы – единственной части тела, свободной от ледяной ловушки.

– Ну, хватит, – мягко сказал Абалистер.

Друзил вздохнул и печально посмотрел на приближающегося волшебника. Лицо мага несколько не смягчилось.

– Хватит, – уже настойчивее повторил он.

Друзил нагнулся и поцеловал Таер в нос. Существо перестало хныкать и посмотрело на него с удивлением, но Друзил лишь пожал плечами и погрузил отравленное жало в заплаканный глаз.

Имп охотно уселся на предложенное плечо Абалистера. Абалистер позволил ему подержать мешочек с *йот*, просто чтобы напомнить отвлекшемуся импу о делах, которые ожидали их за мерцающей дверью.

Глава 1. Любимец белой белки

Друид в зеленых одеяниях издал серию свистов и пощелкиваний, но белка с белой шерстью, казалось, не замечала всего этого, сидя высоко над тремя людьми на ветке дуба.

– Ну что, кажется, ты потерял голос, – заметил другой человек, бородатый служитель леса с приятными чертами лица и длинными светлыми волосами, свисающими до плеч.

– Думаешь, у тебя получится лучше? – негодуя спросил друид в зеленых одеждах. – Я думаю, что эта зверушка еще более странная, чем ее шкурка.

Двое других засмеялись над попыткой товарища объяснить неудачу.

– Я уверяю тебя, – сказал третий – посвященный высокого ранга, – цвет зверька, конечно, необычный, но умение разговаривать с животными – одно из простейших наших умений. Несомненно, сейчас...

– Со всем уважением, – прервал расстроенный друид, – я наладил контакт со зверьком. Он просто отказывается отвечать. Прошу, попробуйте сами.

– Белка, отказывающаяся говорить? – спросил второй член группы со смешком. – Ведь они же одни из самых болтливых...

– Но не эта, – послышался голос сзади. Трое друидов обернулись и увидели священника идущего по дороге от увитого плющом здания. Легкая походка выдавала в нем молодого человека. Он был среднего роста и телосложения, возможно чуть более мускулистый, чем большинство людей. Кончики серых глаз задирались вверх, когда он улыбался. Вьющиеся коричневые локоны слегка играли под широкими полями шляпы. Его кремовая туника и штаны выдавали священника Дениера, бога одной из основных сект в библиотеке Наставников. Молодой человек также носил декоративную голубую накидку и широкополую шляпу, тоже голубую с красной лентой и пером, что было нетипично для его ордена. На ленте был укреплен медальон, выполненный из фарфора и золота в виде свечи, горящей над глазом – символ Дениера.

– У этой белки рот всегда на замке, за исключением тех случаев, когда он сам пожелает общаться, – продолжал молодой священник. Его забавляло удивленное выражение на лицах обычно невозмутимых друидов, так что он решил еще немного их удивить. – Приятная встреча, Аркит, Ньюандер и Клео. Вас, Клео я поздравляю с посвящением.

– Откуда ты знаешь нас? – спросил Аркит, предводитель друидов. – Мы еще не сообщали в Библиотеку и никому не говорили о нашем прибытии. – Аркит и Ньюандер – светловолосый друид – подозрительно переглянулись. – Твои учителя, что, подсматривали за нами с помощью магии?

– Нет, нет, ничего подобного, – мгновенно ответил молодой священник, зная об отвращении, питаемом друидами к подобным вещам. – Я помню вас, всех троих, со времен вашего последнего посещения библиотеки.

– Абсурд! – встрял Клео. – Это было четырнадцать лет назад. Ты тогда был не более, чем...

– Мальчишкой – закончил за него молодой священник. – Мне тогда было семь лет. Насколько я помню, с вами был четвертый человек, леди в годах, но чрезвычайно могущественная. Кажется, ее звали Шеннон.

– Невероятно, – пробормотал Аркит. – Ты совершенно прав, молодой священник. – Друиды опять переглянулись, ожидая какой-то подвох. Вообще говоря, друиды не очень-то жаловали людей, не принадлежащих к их ордену. Они редко приходили в знаменитую Библиотеку Наставников, находящуюся высоко в уединенных Снежных Горах. Только тогда, когда слышали о находке чего-либо, что представляло бы особый интерес – редкой книги о растениях или животных, или о новом рецепте для изготовления исцеляющих зелий, или о том, как лучше растить сады. Они уже почти отвернулись, чтобы уйти, но, подчиняясь внезапному наитию,

Ньюандер обернулся и встретился глазами с юным священником, который небрежно опирался на палочку для ходьбы с серебряным набалдашником, искусно выполненным в виде головы барана.

– Каддерли? – спросил Ньюандер, с широкой улыбкой на лице. Аркит тоже узнал молодого человека и вспомнил необычную историю более чем необычного ребенка. Каддерли поселился в библиотеке раньше, чем ему исполнилось пять лет – немногие дети принимались до достижения десяти. Его мать умерла за несколько месяцев до этого, и его отец, слишком погруженный в собственные исследования, отказался от ребенка. Тобикус, наставник Библиотеки, услышал об одаренном малыше и принял его.

– Каддерли, – повторил за Ньюандером Аркит, – Это правда ты?

– К вашим услугам, – ответил Каддерли, низко кланяясь, – Я рад встрече. Это честь, что вы помните меня, добрый Ньюандер и почтенный Аркит.

– Кто? – прошептал Клео, вопросительно глянув на Ньюандера. Спустя несколько мгновений и он заулыбался, узнав молодого священника.

– Да, ты был мальчишкой, – сказал Ньюандер, – Чрезвычайно любопытным мальчишкой, насколько я помню!

– Простите, что я побеспокоил вас, – сказал Каддерли, – Нечасто выпадает возможность поговорить сразу с тремя друидами.

– Да и немногим этого захочется, – заметил Аркит, – Но, я смотрю, ты... из тех кому захотелось.

Каддерли кивнул, но улыбка внезапно исчезла.

– Я надеюсь ничего не случилось с Шаннон? – в голосе звучала озабоченность. Друид была добра с ним при той давнишней встрече. Она показала полезные растения, вкусные корни, и заставляла цветы расцветать прямо у него на глазах. К изумлению Каддерли, Шаннон трансформировала свое тело, что было способностью самых могущественных друидов, в грациозного лебедя и исчезла в утреннем небе. Каддерли очень хотел присоединиться к ней, он хорошо помнил это желание, но друид не могла похожим образом превратить и его.

– Ничего страшного, если ты это имеешь в виду, – ответил Аркит. – Она мирно скончалась несколько лет назад.

Каддерли кивнул. Он уже собирался принести свои соболезнования, но благоразумно вспомнил, что друиды никогда не боялись и не оплакивали смерть, рассматривая ее как естественное завершение жизни и довольно незначительное событие в общей схеме вселенского порядка.

– Ты знаешь эту белку? – внезапно спросил Клео, решивший восстановить свою пошатнувшуюся репутацию.

– Это Персиваль, – ответил Каддерли, – Мой друг.

– Ручной? – спросил Ньюандер, его ясные глаза подозрительно сузились. Друидам не нравилось, что люди держат ручных животных. – Каддерли от души рассмеялся.

– Если кто из нас двоих и ручной, так, боюсь, это я, – честно сказал он. – Персиваль иногда разрешает себя погладить, и всегда – покормить, но поскольку я заинтересован в нем больше, чем он во мне, он сам решает где и когда. – Друиды присоединились к смеху Каддерли.

– Замечательная зверушка, – сказал Аркит и поздравил Персиваля целой трелью свистов и пощелкиваний.

– Замечательно, – последовал саркастический ответ Каддерли, – давайте, поощряйте его. – Смех друидов усилился, и Персиваль бросил подозрительный взгляд на Каддерли со своей ветки.

– Ну, слезь и поздоровайся, – позвал Каддерли, нагибая нижнюю ветку дуба своей палочкой. – Будь вежлив по крайней мере.

Персиваль даже не отвел взгляда от желудя, который он грыз.

– Боюсь, он не понимает, – сказал Клео, – Пожалуй, если я переведу...

– Все он понимает, – возразил Каддерли, – Не хуже нас с вами. Просто он большой упрямец, и я могу доказать это! – Он перевел взгляд обратно на белку. – Когда у тебя выдастся свободная минутка, Персиваль, – с хитрым видом сказал он, – Я оставил тарелку орехов и масла для тебя в своей комнате...

Прежде чем он успел закончить, белка бросилась вдоль по ветке, прыгнула на другую, затем на следующее дерево, и так далее вдоль дороги. Через несколько мгновений белка проскользнула по водосточной трубе на крышу, и, не останавливаясь ни на секунду, пробежав по ветке плюща, запрыгнула в открытое окно на третьем этаже огромного здания.

– Персиваль питает некоторую слабость к орехам и маслу, – отметил Каддерли, когда хохот друидов наконец смолк.

– Замечательный зверек, – повторил Аркит. – Ну а сам-то ты, Каддерли? Приятно видеть, что ты не оставил свои занятия. Учителя хорошо отзывались о твоих способностях четырнадцать лет назад. Но мне и в голову не могло придти, что ты обладаешь такой хорошей памятью, или что мы, друиды произведем столь сильное впечатление на тебя.

– Так и есть, – тихо ответил Каддерли, – Я рад, что вы вернулись – полагаю, посмотреть на недавно найденный трактат по лесным мхам. Я его еще не видел. Наставники держали его под замком, пока не придет кто-нибудь более разбирающийся в подобных вещах, и не оценит его истинную ценность. Видите ли, не то, чтобы мы совсем не ждали компанию друидов, но мы не знали кто, когда и сколько человек придет.

Друиды кивнули, восхищаясь увитым плющом каменным строением. Библиотека Наставников стояла уже около шести сотен лет, и все это время ее двери были открыты для ученых всех добрых конфессий. Строение было огромным, почти самодостаточный город – так было нужно в суровых и изолированных Снежных Горах – более четырех сотен футов в длину и вполовину меньше в ширину на протяжении всех четырех надземных этажей. Хорошо оснащенная и с обильными запасами – слухи говорили о милях складских подземных туннелей – она пережила атаки орков, гигантов, кидаящих камни, жестокие зимние холода и оставалась все такой же на протяжении веков.

Коллекция книг, пергаментов и артефактов в Библиотеке была внушительной, занимая почти весь первый этаж, саму библиотеку, множество меньших помещений на втором этаже, да и просто по всему комплексу лежало множество уникальных древних работ. Будучи не такой большой, как прочие великие библиотеки Королевств, например, знаменитые собрания Сильвермуна на севере, и музеи древностей в Калимпорте на юге, библиотека Наставников была удобна для западных, центральных районов Королевств и региона Кормира, и открыта для всех желающих учиться, с условием, что они не будут использовать полученные знания для злых целей.

Строение так же вмещало прочие подспорья для исследователей, например лавки травника и алхимика. Завораживающие горные пейзажи, ухоженные земли вокруг и даже небольшой садик создавали особую рабочую атмосферу. Библиотека Наставников была создана не только как хранилище для старых книг; она как нельзя лучше подходила для чтения поэзии, живописи и создания скульптур, она была местом для обсуждения глубоких и часто остающихся без ответов вопросов общих для всех разумных рас. Действительно, Библиотека была подходящей данью Дениеру и Огме – двум богам знания, литературы и искусств.

– Мне говорили, что трактат – действительно большая работа, – сказал Аркит. – Потребуется много времени, чтобы как следует ее изучить. Надеюсь, что плата за комнаты не очень высока. Наше богатство не распространяется на материальные вещи.

– Думаю, наставник Тобикус примет вас без всякой платы, – ответил Каддерли. – Вашу помощь в этом вопросе нельзя недооценивать. – Он бросил быстрый взгляд на Аркита. – Если нет, приходите ко мне. Недавно я переписал томик для одного волшебника, книгу заклинаний,

которую он потерял в огне. Человек был очень щедр. Видите ли, я однажды написал книгу заклинаний, а волшебник, рассеянный, каковыми являются большинство из них, так и не сделал копию.

– Неужели был только один экземпляр? – спросил Клео, не веря, что волшебник был так неосторожен со своей самой дорогой собственностью.

– Только один, – ответил Каддерли, постукивая себя по виску, – единственная копия была здесь.

– Ты запомнил все переплетения заклинаний волшебника так хорошо, что смог воспроизвести их по памяти? – спросил обомлевший Клео. Каддерли пожал плечами.

– Волшебник был щедр.

– Ты удивительный человек, молодой Каддерли, – сказал Аркит.

– Замечательная зверушка? – с надеждой спросил молодой священник, вызывая широкие улыбки у всех троих.

– Воистину! – сказал Аркит. – Загляни к нам на днях. – Зная, как друиды любят уединение, Каддерли понял, какой почести он удостоился только что. Он низко поклонился и друиды поступили так же, затем они пожелали Каддерли всего хорошего и двинулись по дороге к библиотеке.

Каддерли проводил их взглядом, затем посмотрел на свое открытое окно. Персиваль сидел на подоконнике, тщательно слизывая остатки обеда с крошечных лапок.

* * *

Капля соскользнула с кончика проволоки, коснулась пропитанной раствором тряпки, которая заканчивалась в маленькой мензурке. Каддерли потряс головой и коснулся втулки, которая контролировала поток масла.

– А ну убери свои руки! – крикнул взбешенный алхимик из-за стола в другой части лавки. Он подпрыгнул и кинулся на слишком любопытного молодого священника.

– Оно течет так медленно, – отметил Каддерли.

– Так надо, – объяснил Вицero Белаго уже в сотый раз. – Ты же не дурак, Каддерли. Это Масло Удара, помнишь? Самое нестабильное вещество. Большая капля может вызвать взрыв в лавке, полной других нестабильных веществ! – Каддерли вздохнул и принял выговор с уступчивым кивком.

– Сколько у тебя этого масла? – спросил он, засовывая руку в один из множества кошельков на своем поясе и доставая крошечный флакон.

– Ты слишком нетерпелив, – отметил Белаго, но Каддерли знал, что на самом деле он не сердился. Каддерли был постоянным покупателем и много раз делал важные переводы древних алхимических записок. – Боюсь, только то, что в мензурке. Мне нужно подождать, пока придут некоторые ингредиенты – ногти холмовых гигантов и толченые рога яков.

Каддерли аккуратно поднял пропитавшуюся ткань и наклонил мензурку. В ней было всего несколько капель – достаточно чтобы наполнить всего один из крошечных флаконов.

– Здесь только шесть, – сказал он, переливая масло при помощи пропитавшейся тряпки в сосудик. – С меня сорок четыре.

– Ты уверен, что тебе надо так много? – уже в который раз спросил Белаго.

– Пятьдесят, – объявил Каддерли.

– Цена...

– Вполне подходящая! – Каддерли засмеялся, и спрятав флакончик, выскользнул из лавки. Настроение несколько не ухудшилось, когда он прошел через главный зал к южному крылу третьего этажа и покоям Хистры, приезжей жрицы Сан, богини любви.

– Дорогой Каддерли, – приветствовала его жрица, которая была на двадцать лет старше его, но все еще весьма привлекательна. Она носила алое одеяние с глубоким вырезом, которое не слишком скрывало ее женственную фигуру. Каддерли пришлось напомнить себе о манерах и о том, что смотреть стоит только в ее глаза.

– Входи же, – промурлыкала Хистра. Она схватила его за тунику и втощила в комнату, мгновенно захлопнув за ним дверь.

Он смог отвести взгляд от Хистры и увидел ярко сияющий сквозь тяжелое одеяло предмет.

– Закончили? – почти пискнул Каддерли. Затем он прокашлялся, смущенный. – Хистра легонько провела пальцем по его руке и улыбнулась, когда он непроизвольно вздрогнул.

– Двеомер произнесен, – ответила она. – Все, что осталось, это плата.

– Двести... золотых монет, – проговорил, запинаясь, Каддерли, – как мы и договаривались. – Он потянулся за кошельком, но рука Хистры перехватила его руку.

– Это было трудное заклинание, – сказала она, – с отступлениями от нормы. – Хистра помолчала секунду и застенчиво улыбнулась. – Но я так люблю отступления, – заявила Хистра, поддразнивая его. – Цена может быть снижена, знаешь ли, для тебя.

Каддерли нисколько не сомневался, что то, как он сглотнул было слышно даже в коридоре. Он был дисциплинированным ученым и пришел сюда с определенной целью. У него было много работы, но обольстительность Хистры была неоспоримой, а ее духи буквально подавляли. Каддерли напомнил себе, что надо не забывать дышать.

– Мы вполне могли бы и забыть про плату, – предложила Хистра, лаская пальцами мочку уха Каддерли. Молодому ученому стало интересно, не упадет ли он в обморок.

Впрочем, в конце концов, образ Даники, с одухотворенным видом сидящей на спине Хистры и небрежно трущей ту лицом об пол, заставил Каддерли контролировать себя. Комната Даники была недалеко: через коридор, несколько дверей налево. Он твердо убрал руку Хистры со своего уха, передал ей кошелек и схватил прикрытый, сияющий предмет.

Несмотря на всю свою практичность, когда Каддерли вышел из комнаты на двести золотых беднее, его лицо сияло так же ярко, как и диск, зачарованный для него Хистрой.

У Каддерли, как всегда, были и другие дела, но, не желая вызвать подозрения шатаясь по Библиотеке со сверхъестественно сверкающим мешочком, он направился прямо в северное крыло в свою комнату. Персиваль все еще сидел на подоконнике, когда он вошел, нежась в лучах утреннего солнца.

– Он у меня! – взволнованно воскликнул Каддерли, вынимая диск. Комната немедленно осветилась, как будто в нее заглянуло солнце и напуганная белка нырнула в тень под кроватью Каддерли.

Священник не стал переубеждать Персиваля. Он бросился к письменному столу, достал из переполненного бокового ящика цилиндр, длиной в фут и шириной в два дюйма. Легким усилием Каддерли снял крышку. Под ней было углубление как раз подходившее для диска. Он положил туда диск и завернул крышку, пряча свет.

– Я знаю, что ты там, – поддразнил Каддерли и приоткрыл крышку на другом конце цилиндра, выпустив узкий луч света.

Этот спектакль совсем не понравился Персивалю. Он прыгал взад и вперед под кроватью, а смеющийся Каддерли преследовал его лучом света, довольный, что наконец победил хитрое существо. Все это продолжалось лишь несколько секунд, пока Персиваль не выпрыгнул из-под кровати и не бросился к окну. Белка вернулась секунду спустя затем лишь, чтобы схватить свои орехи с маслом и прострекотать несколько нелестных слов в адрес Каддерли.

Все еще смеясь, молодой священник закрыл крышку на своей новой игрушке и прицепил ее к поясу. Затем, он двинулся к дубовому шкафу. У большинства священников, живущих в Библиотеке, в шкафу хранились запасные одеяния, так как они хотели безупречно выгля-

деть перед новоприбывшими учеными. Тем не менее, в шкафу Каддерли сложенная одежда занимала совсем немного места. Горки записок и еще большие горки всевозможных изобретений загромождали пол, а самодельные кожаные ремни занимали большинство вешалок. Кроме того, на внутренней стороне одной из дверей висело огромное зеркало, вещица, значительно превышающая скромные денежные возможности большинства других священников Библиотеки, особенно низкого ранга, как Каддерли.

Каддерли вынул широкую португею и направился к кровати. В кожаном ремне находилось пятьдесят специально сделанных дротов. С помощью флакончика из лавки алхимика Каддерли намеревался доделать шестой. Дроты были короткими и узкими, полностью сделанные из железа, исключая серебряные наконечники. Сердцевины дротиков были полыми, флакончик как раз подходил к отверстию. Каддерли вздрогнул, когда вставлял флакон в дротик, стараясь приложить достаточно усилий, чтобы вставить его на место и не раздавить при этом.

– Масло Удара, – напомнил он себе представляя обгорелые кончики пальцев.

Молодой ученый вздохнул с облегчением, когда летучая смесь была, наконец, установлена. Он снял шелковую накидку, собираясь одеть португею и подойти к зеркалу посмотреть, как она на нем сидит, что он делал всегда после завершения очередного дротика. Но резкий стук в дверь дал ему достаточно времени только для того, чтобы спрятать португею за спину, прежде чем Учитель Авери Шелл – толстый краснолицый человек ввалился внутрь.

– Что это еще за чеки об оплате? – кричал священник, размахивая пачкой пергаментов у носа Каддерли. Он стал доставать их по одному, и, читая заголовки, бросать на пол. – Кожевник, ювелир, кузнец... Ты транжиришь свое золото!

Над плечом Авери Каддерли заметил белозубую улыбку Киркана Руфо и понял, откуда у учителя его счета и повод для ярости. Высокий, с заостренными чертами лица, Руфо был лишь на год старше Каддерли. Эти двое, хоть и были друзьями, всегда соперничали в продвижении по ступеням старшинства в Ордене, да и в других занятиях тоже, особенно если принимать во внимание несколько долгих взглядов, брошенных Руфо в направлении Даники. Создавать друг другу неприятности стало чем-то вроде игры для них, более чем нудной игры, когда дело доходило до вмешательства учителей, особенно Учителя Авери.

– Деньги были потрачены с умом, Учитель, – осторожно начал Каддерли, зная, как сильно расходятся понятия “с умом” у него и Учителя Авери. – На приобретение знаний.

– На приобретение игрушек, – отметил Руфо со своей позиции у двери, и Каддерли заметил удовлетворенное выражение на лице высокого парня. Каддерли заработал высокую оценку Учителя за свою работу над потерянной в огне книгой заклинаний, что явно тревожило его соперника, и Руфо наслаждался подножкой, поставленной Каддерли.

– Ты слишком безответственен, чтобы позволять тебе хранить такие суммы! – рычал Авери, запустив остальные пергаменты в полет по комнате. – Ты лишен мудрости!

– Но ведь я отдал Библиотеке часть заработка, – напомнил ему Каддерли, – а остальное, потратил в соответствии с путями Дениера...

– Нет! – прервал его Авери. – Не вздумай прятаться за именем, которое ты, очевидно, не понимаешь. Дениер. Что ты знаешь о Дениере, молодой изобретатель? Ты провел почти всю жизнь в Библиотеке Наставников, но ты, кажется, ничего не понимаешь в наших догмах и принципах. Иди на юг в Лантан вместе со своими игрушками, если тебя они так увлекают, и играй со жрецами Гонда!

– Я не понимаю...

– Вот уж точно! – ответил Авери, его тон становился все более сдержанным. На мгновение священник замолчал и Каддерли понял, что он осторожно подбирает слова.

– Мы – центр познания, – начал Учитель. – Мы настаиваем на определенных ограничениях для тех, кто хочет придти сюда. Даже служители Гонда проходили через наши двери. Ты видел их, но разве ты замечал, чтобы их тепло принимали? – Каддерли задумался на секунду,

затем кивнул. Действительно, он помнил, что Авери изо всех сил старался, чтобы Каддерли не встретился с жрецами Гонда, каждый раз, когда те приходили в Библиотеку.

– Вы правы, я не понимаю, – ответил Каддерли. – Я думаю, что жрецы Дениера и Гонда, посвященные знаниям, должны работать вместе. – Авери медленно, но решительно покачал головой.

– Вот здесь ты ошибаешься, – сказал он. – Мы предъявляем требования к знаниям, на которые не соглашаются последователи Гонда. – Он замолчал и снова покачал головой; простая вещь которая действовала на Каддерли сильнее любого крика.

– Зачем ты здесь? – тихо спросил Авери, контролируя свой голос. – Ты когда-нибудь задавал себе этот вопрос? Ты расстраиваешь меня, мальчик. Ты – пожалуй, самый умный человек, которого я когда-либо знал – а я знал немало ученых – но ты ведешь себя как ребенок. Я знал, что так будет. Когда Тобикус сказал, что мы примем тебя... – Внезапно Авери замолчал, как будто обдумывая свои слова, затем просто вздохнул.

Каддерли казалось, что Учитель всегда что-то не договаривал в этом месте, как будто он ожидал, что Каддерли придет к каким-то своим выводам. И он был ничуть не удивлен, когда тот сменил тему разговора.

– А как насчет твоих обязанностей, пока ты сидишь тут ради “приобретения знаний”, как ты выражаешься? – спросил учитель, в его голосе опять зазвучали злые нотки. – Ты утрудил себя зажечь свечи в комнатах для занятий этим утром?

Каддерли вздрогнул. Он знал, что забыл что-то.

– Мне так не кажется, – сказал Авери. – Ты ценный член нашего ордена, Каддерли, и, безусловно, одарен как ученый и как писец, но я предупреждаю тебя, что твое поведение далеко от допустимого. – Лицо Учителя сделалось пунцовым, когда Каддерли, все еще не совсем разобравшийся чего же от него хотят, уставился на него.

Каддерли почти привык к подобным выговорам; Авери всегда спешил расследовать жалобы Руфо. Каддерли считал, что это не так уж плохо; Авери, несмотря на свою вспыльчивость, безусловно был более мягким человеком, чем некоторые старшие Учителя.

Авери внезапно повернулся, чуть не сбив при этом Руфо, и умчался по коридору.

Каддерли пожал плечами и решил рассматривать все происшествие, как еще один неконтролируемый взрыв ярости Учителя Авери. Было ясно, что Авери просто не понимал его. Впрочем, молодой священник не очень-то беспокоился; его дар переписчика приносил огромные деньги, которые он поровну делил с библиотекой. Нужно признать, он был не самым исполнительным последователем Дениера. Он небрежно относился к положенным ему по званию ритуалам, и это часто приводило к неприятностям. Но Каддерли знал, да и учителя понимали, что подобная неосмотрительность шла не от неуважения к ордену, а оттого, что он был занят обучением и созиданием – две очень важные вещи в учении Дениера – и две чрезвычайно прибыльные статьи дохода в дорогой для содержания библиотеке. Насколько Каддерли понимал, жрецы Дениера, как и большинство других духовных орденов, могли сквозь пальцы смотреть на мелкие провинности, особенно учитывая намного большую выгоду.

– Эй, Руфо, – позвал Каддерли, доставая свой пояс.

Угловатое лицо Руфо показалось в дверном проеме, в его маленьких черных глазах горело веселье.

– Чего? – промурлыкал высокий человек.

– Этот раунд за тобой. – Улыбка Руфо стала еще шире.

Каддерли направил луч света на его лицо, и не ожидавший этого Руфо отпрянул в ужасе, тяжело ударившись о противоположную стенку коридора.

– Будь готов, – сказал Каддерли, широко улыбаясь. – Следующий раунд будет за мной. – Он подмигнул, но Руфо, поняв относительную безвредность новейшего изобретения Каддерли,

лишь усмехнулся, поправил свои черные волосы и поспешил прочь. Тяжелые башмаки Руфо стучали по полу, словно он был подкованной лошастью.

* * *

Трем друидам была предоставлена комната в удаленном углу четвертого этажа, вдалеке от суматохи Библиотеки, как и просил Аркит. Они расположились без особых хлопот, вещей у них было немного, и Аркит предложил сразу преступить к изучению книги по мхам.

– Я останусь здесь, – ответил Ньюандер. – Дорога была долгой, и я действительно устал. С постоянно слипающимися глазами я вам не помощник.

– Как пожелаешь, – сказал Аркит. – Мы будем не очень долго. Возможно, ты сможешь спуститься и продолжить работу, когда мы закончим.

Когда его друзья ушли, Ньюандер подошел к окну и стал смотреть на величественные Снежные Горы. Он только однажды бывал в Библиотеке Наставников до этого – как раз когда впервые встретил Каддерли. Тогда Ньюандер был молодым человеком, примерно такого же возраста как сейчас Каддерли, и Библиотека с ее суматохой людской жизни, разнообразными предметами и рукописными книгами произвела на него сильное впечатление. До этого Ньюандер знал только тихие леса, где главенствовали животные, а люди были редкостью.

После того, как он ушел, Ньюандер не раз сомневался в своем призвании. Умом он понимал, что предпочитает лес, но он не мог отрицать и свое тяготение к цивилизации, любопытство, по отношению к архитектуре и знаниям.

Впрочем, Ньюандер оставался друидом, служителем Сильвануса, Отца Дубов, и хорошо продвигался в своем обучении. Орден природы был для него важнее всего, как он сам совершенно искренне полагал, но все-таки...

Поэтому Ньюандер не без интереса вернулся в Библиотеку Наставников. Он смотрел на величественные горы и желал быть там, где мир прост и надежен.

Глава 2. Посланник Талоны

С расстояния северо-восточный отрог Снежных Гор казался совершенно непримечательным: кучи разбросанных булыжников покрывали спрессованные склоны более мелких камней. Но точно так же для несведущего человека россомаха может показаться безвредным зверьком. Дюжина изолированных туннелей вела под каменистый откос, и каждый из них обещал лишь смерть своенравным путешественникам, ищущим убежище на ночь.

В этом самом отроге, сотворенном вовсе не дикой природой, располагался Замок Троицы, замок с горными – стенами, твердыня злого братства, жаждущего власти. Осторожны должны были быть скитальцы в Королевствах, ибо цивилизация часто кончается прямо за стенами городов.

– Сработает ли? – нервно прошептал Абалистер, ощупывая бесценный пергамент. Разумом он принимал непогрешимость рецепта – сама Талона привела его к нему – но после стольких неудач и разочарований, и осознания, что победа уже в руках, он не мог отделаться от опасений. Он перевел взгляд со свитка на небольшое окно в укрепленном комплексе. Темнота Сияющих Равнин угадывалась на востоке, а заходящее солнце высекало искры из белых пиков Снежных Гор на западе.

Маленький имп обернул кожистые крылья вокруг себя и обнял их своими лапками, нетерпеливо постукивая когтистой ножкой. “*Киеста бенетеллемара*” – пробормотал он.

– Что такое? – ответил Абалистер, быстро обернувшись, и взглянув на нетерпеливого импа из под приподнятых бровей. – Ты что-то сказал, Друзил?

– Это сработает, я сказал, сработает, – солгал Друзил своим скрежещущим голосом. – Ты, что, сомневаешься в Талоне? Сомневаешься, что в своей мудрости она свела нас вместе?

Абалистер что-то подозрительно пробормотал, принимая предполагаемое оскорбление как неизбежное, хоть и неприятное последствие обладания таким мудрым и вредным фамильяром. Тощий волшебник понимал, что перевод Друзила был более чем неточным, и что “*Киеста бене теллемара*” без сомнения было чем-то оскорбительным. Ко всему прочему он не сомневался в уважении Друзила к могущественному зелью, и это нервировало его больше всего. Если утверждения Друзила о Проклятии Хаоса окажутся верными, то Абалистер и его товарищи вскоре будут иметь больше власти, чем амбициозный волшебник когда-либо рассчитывал. Многие годы Замок Троицы стремился завоевать область Снежных Гор, эльфийский лес Шимиста и человеческое поселение Карадон. Теперь, с Проклятием Хаоса, этот процесс может скоро начаться.

Абалистер взглянул мимо маленького окна на золотую жаровню, поддерживаемую треножником, которая всегда горела в его комнате. Это были ворота на нижние планы, такие же ворота, как те, что привели Друзила. Волшебник очень хорошо помнил этот день, день трепетного предвкушения. Аватар богини Талоны велела ему использовать свой магический дар и дала ему имя Друзила, пообещав, что имп принесет восхитительный рецепт. Но волшебник не знал, что это “сокровище” импа принесет два года тяжелой и дорогой работы, измотает волшебника до предела и уничтожит так много его сторонников.

Рецепт Друзила, Проклятие Хаоса, того стоило, решил Абалистер. Он принял его создание как личную службу Талоне, величайшее задание его жизни, и подарок его богине, который поднимет его над священниками.

Межплановая дверь была сейчас закрыта; у Абалистера были порошки, которые могли открывать и закрывать ворота, как будто у него был переключатель. Порошки хранились в маленьких, аккуратно помеченных кошечках, половина для открывания, половина для закрывания, разложенные чередующимися рядами. Кроме Абалистера о них знал только Друзил, но имп никогда не шел против требований волшебника и не связывался с воротами. Дру-

зил мог быть нахальной и надоедливой помехой, но когда дело касалось серьезных вещей, на него можно было положиться.

Абалистер продолжил осмотр и наткнулся на свое отражение в зеркале в другом конце комнаты. Когда-то он был красивым мужчиной с пытливыми глазами и приятной улыбкой. Произошедшие с ним изменения были ужасны. Абалистер был потрепан и опустошен; все занятия магией, поклонение требовательной богине, контроль хаотичных существ, таких как Друзил, взяли свое. Много лет назад, волшебник бросил все – семью, друзей, все радости, которыми так дорожил – ради жажды знаний и власти и эта мания только усилилась, когда он встретил Талону.

Впрочем, много раз до и после этой встречи Абалистер сомневался, стоило ли оно того. Друзил предложил ему достижение цели всей его жизни, власть за пределами самых смелых его мечтаний, но реальность не соответствовала ожиданиям Абалистера. В этом месте его несчастной жизни власть казалась такой же пустой, как и выражение его лица.

– Но эти ингредиенты! – продолжал Абалистер, стараясь, скорее надеясь найти слабинку в кажущихся нерушимыми умыслах импа. – Глаза пещерного страшилища? Кровь друида? Ну а это-то зачем – щупальца мерцающей кошки?

– Проклятие Хаоса, – Ответил Друзил, как будто одни только эти слова должны были развеять сомнения мага. – Ты готовишь могущественное зелье, хозяин. – От зубастой улыбки Друзила по позвоночнику волшебника пробежала дрожь отвращения. Волшебник все еще чувствовал неудобство рядом с жестоким импом.

– *Дель кинера кас ким-па*, – проговорил имп сквозь длинные острые зубы. – Действительно сильное зелье, – неверно перевел он. На самом деле Друзил сказал: “Даже учитывая твою ограниченность”, но Абалистеру вовсе не обязательно было об этом знать.

– Да, – снова проговорил Абалистер, постукивая кончиком костлявого пальца по носу. – Мне нужно будет заняться изучением твоего языка, мой дорогой Друзил.

– Да, – эхом отозвался Друзил, прядая длинными ушами. – *Ие квеста нас теллемара*, – сказал он, что означало: “Если бы ты не был так глуп”. Друзил низко поклонился, чтобы скрыть свой обман, но это только убедило Абалистера в том, что имп над ним насмехается.

– Стоимость ингредиентов была весьма значительной, – сказал Абалистер, возвращаясь к предмету разговора.

– И указания не совсем точны, – добавил Друзил с очевидным сарказмом. – И, хозяин, мы могли бы найти сотню других проблем, если бы как следует поискали. Но результат, позволь напомнить! Результат! Твое братство не так уж сильно, да, не так уж. Я бы сказал, что оно не выживет! Но все изменится с зельем.

– Божественный эликсир? – задумчиво сказал Абалистер.

– Называй так, если хочешь, – ответил Друзил. – Раз именно Талона привела тебя к нему, ради достижения своих целей, тогда, возможно, это именно так. Подходящее название ради Барджина и его треклятых священников. Они станут более внимательными и набожными, если поймут, что создают истинного посланника Талоны, силу саму по себе достойную их поклонения, и их преданность сможет приструнить эту орочью морду Рэгнара с его скотами.

Абалистер засмеялся, когда представил себе троих священников, одну из составляющих злого триумвирата, преклоняющимися и молящимися перед обычным магическим устройством.

– Назови его *Туанта Мианкай*, Роковой Ужас, – Друзил сопроводил предложение саркастическим смешком. – Барджину это понравится, – Секунду Друзил обдумывал предложение, затем добавил, – Нет, не Роковой Ужас. *Туанта Кви́ро Минакай*, Смертельный Ужас.

Абалистер засмеялся еще громче, но сейчас в его смехе появился намек на тревогу. “Смертельный Ужас” был титулом самых высокопоставленных, самых преданных жрецов Талоны. Барджин, самый высокопоставленный священник Замка Троицы, до сих пор не полу-

чил такого титула. К нему обращались “Обессиливающее Преподобие”. То, что Проклятие Хаоса обгонит его по званию, уязвит высокомерного жреца, а Абалистер будет наслаждаться спектаклем. Барджин со своими жрецами были в замке только год. Жрец пришел аж из самой Дамары, бездомный и надломленный, ему некого было назвать своим богом, с тех пор как новый орден паладинов изгнал объект его поклонения обратно на нижние планы. Как и Абалистер, Барджин утверждал, что встретился с аватаром Талоны, и именно она показала ему путь к Замку Троицы.

Знания и могущество Барджина были очень внушительными, а его последователи принесли бесчисленные сокровища из своих путешествий. Когда они прибыли, правящий триумвират, в особенности Абалистер приняли их с распростертыми объятиями, полагая, что промысел Талоны свел такой могущественный союз, союз, который усилит Замок и даст ресурсы для завершения Проклятия. Теперь, месяцы спустя Абалистер стал более скептически смотреть на этот союз, особенно на ту его часть, которая касается священника. Барджин был харизматичным человеком, и это плохо принимали в ордене, посвященном болезням и ядам. Многие жрецы Талоны обезображивали себя шрамами или делали гротескные татуировки. У Барджина ничего такого не было, он ничем не пожертвовал для своей новой богини, но благодаря своему богатству и искусству убеждения он быстро поднялся к вершине и стал руководить всеми жрецами Замка.

Абалистер сквозь пальцы смотрел на это восхождение, полагая, что такова воля Талоны и даже уступил ему дорогу, чтобы умиротворить амбициозного жреца – сейчас, оглядываясь назад, он не был уверен, что поступил правильно. Впрочем, ему нужна была поддержка Барджина чтобы управлять Замком Троицы, и его богатства чтобы финансировать продолжающееся создание Проклятия Хаоса.

– Я должен проследить за правильным смещением ингредиентов для эликсира, – сказал волшебник. – Когда же выдастся свободная минутка, я бы хотел выучить этот цветастый язык, которым ты так часто пользуешься.

– Как пожелаешь, хозяин, – ответил имп, поклонившись. Абалистер покинул комнату и закрыл за собой дверь. Потом он заговорил на своем родном языке, опасаясь, что Абалистер услышит его из-за двери. “*Квеста бене теллемара, Абалистер!*” Хитрый имп не смог сдержаться и прошептал, – Но ты слишком глуп, – желая услышать, как эти слова прозвучат на обоих языках.

Несмотря на все оскорбления, которые имп так запросто кидал своему хозяину, Друзил ценил волшебника. Для человека Абалистер был чрезвычайно умен и самым могущественным из троих волшебников Замка, а по оценке Друзила волшебники были самой сильной опорой триумвирата. Абалистер закончит зелье и раздобудет тару для его переноски, и за это Друзил, который ждал этого дня десятилетиями, будет ему бесконечно благодарен. Друзил был умнее большинства импов, умнее большинства людей, и когда он натолкнулся на рецепт в непонятном манускрипте столетие назад, он благоразумно спрятал его от своего бывшего хозяина, другого человека. У того волшебника не было ни ресурсов, ни мудрости, чтобы изготовить зелье и правильно распространить дело хаоса, а у Абалистера все это было.

* * *

Абалистер испытывал смесь надежды и трепета, пристально разглядывая красноватое сияние, исходящее изнутри прозрачной бутылки. Это была первая проверка Проклятия Хаоса, и все надежды волшебника были возложены на эту маленькую бутылочку.

– Еще один ингредиент, – прошептал любопытный имп, не разделяющий опасений своего хозяина. – А потом *йот*, затем мы можем пускать дым.

– Оно что, не должно впитаться? – поинтересовался Абалистер. Друзил заметно побледнел.

– Нет, хозяин, не так, – проскрежетал он. – Последствия будут слишком печальными. Слишком печальными!

Абалистер некоторое время изучающе смотрел на импа. За те два года, что Друзил был подле него, он не видел беднягу таким потрясенным. Волшебник подошел к шкафчику в другом углу комнаты и достал вторую бутылку, меньше той, в которую было налито зелье. Эта бутылка была изукрашена бесчисленными магическими рунами. Когда Абалистер вытащил пробку, к потолку потянулась струйка дыма.

– Она не перестанет дымить, – объяснил волшебник. – Небольшой магический...

– Я знаю, – прервал его Друзил. – А еще я выяснил, что этот флакон не изменит действия зелья.

Абалистер собрался спросить, откуда Друзилу об этом известно, откуда Друзил знает о его вечно дымящейся бутылке, но сдержался, припомнив, что у хитрого импа есть связи на других планах и это может ответить на многие вопросы.

– Ты бы смог создать еще таких же? – спросил Друзил, показывая на чудесную бутылку.

Абалистер заскрежетал зубами при упоминании новых расходов. По его выражению лица имп сам догадался об ответе.

– Проклятие Хаоса лучше всего работает в форме тумана. Со своими магическими способностями бутылка будет испускать его многие годы, хоть и на ограниченной площади, – пояснил Друзил. – Потребуется еще одна бутылка если мы хотим как следует распылить опьяняющее зелье.

– Опьяняющее? – рявкнул Абалистер в ярости. Друзил взмахнул кожистыми крыльями, отлетев в другой конец комнаты, впрочем, расстояние не играло роли, учитывая могущество волшебника.

– Опьяняющее? – снова сказал Абалистер. – Мой дорогой Друзил, ты что, хочешь сказать, что мы потратили целое состояние золотом, что я пресмыкался перед Барджином и этими треклятыми священниками, только чтобы смешать немного эльфийского вина?

– *Бене теллемара*, – последовал рассерженный ответ импа. – Ты все еще не понял, что ты создал? Эльфийское вино?

– Тогда, наверное, гномье пиво? – саркастически огрызнулся Абалистер. Он поднял свой посох и с угрозой шагнул к импу.

– Ты не понимаешь, что случится, если распылить его, – насмешливо выкрикнул имп.

– Ну, так расскажи мне. – Друзил шелкнул своими крыльями перед мордочкой, затем отвел их обратно за спину, что выдавало его сильное волнение.

– Оно проникнет в сердца своих жертв, – пояснил имп, – и усилит все их желания. Любые помыслы станут божественными откровениями. Эффект будет отличаться для каждого человека и они не будут согласовываться между собой. Чистый хаос! Те, на кого подействует...

Абалистер знаком велел ему замолчать, он не нуждался в дальнейших пояснениях.

– Я дал тебе большую власть, чем ты осмеливался мечтать, – с нажимом прорычал имп. – Ты забыл обещание Талоны?

– Аватар лишь предложила вызвать тебя, – парировал Абалистер, – и только намекнула, что ты можешь обладать чем-то ценным.

– Ты не можешь понять возможности Проклятия Хаоса, – самодовольно ответил Друзил. – Все народы этого региона будут в твоём распоряжении, когда их собственная воля будет подавлена. Хаос – прекрасная вещь, смертный повелитель, сила уничтожения и завоевания, страшнейшая болезнь, Смертельный Ужас. И управление этим хаосом приносит власть тому, кто неуязвим для него!

Абалистер облокотился на посох и посмотрел в сторону. Он должен был верить Друзилу, и все же он боялся поверить. Слишком многое он отдал этому неизвестному рецепту.

– Ты должен научиться, – сказал имп, видя, что его слова не произвели впечатления. – Если мы хотим победить, ты должен поверить. – На секунду он обернул голову своими кожистыми крыльями, погружаясь в раздумья. – Тот молодой воин, ну, который так надменен.

– Хаверли, – ответил Абалистер.

– Он думает, что он лучше Рэгнара, – сказал Друзил, по его лицу расплылась злая улыбка. – Он желает смерти Рэгнара, чтобы стать самому капитаном всех воинов Замка.

Абалистер не спорил. Несколько раз молодой Хаверли, напившись эля обозначал такое желание, хотя он никогда не заходил достаточно далеко, чтобы угрожать огру – полукровке. Даже надменный Хаверли не был достаточно глуп.

– Позови его сюда, – попросил Друзил. – Давай испытаем на нем. Скажи ему, что зелье усилит его позиции в триумвирате. Скажи, что оно может сделать его даже сильнее, чем Рэгнар.

Абалистер несколько секунд постоял молча, обдумывая предложение. Барджин высказывал сильные сомнения касательно проекта как такового, не смотря на заявления Абалистера, что зелье послужит Талоне лучше, чем что бы то ни было в этом мире. Священник спонсировал поиски Абалистера только на основании обещания Абалистера, данного при свидетелях, что тот выплатит все до последней медной монетки, если священник не будет удовлетворен результатом. Барджин многое потерял во время своего бегства из северного королевства Дамары: свой престиж, армию, множество ценных и могущественных предметов, некоторые из них были зачарованными. Его оставшееся богатство сыграло ключевую роль в обретении части его былой власти. Теперь, когда недели шли, расходы возрастали, а достойных результатов все не было, Барджин стал очень нетерпелив.

– Я немедленно приведу Хаверли, – ответил внезапно заинтересовавшийся Абалистер. Ни волшебник, ни Барджин не питали теплых чувств ни к Рэгнару, которого они считали слишком опасным, чтобы ему доверять, ни к Хаверли, которого они считали слишком глупым, а любая напасть на эту парочку могла разрушить сомнения Барджина.

Кроме того, думал Абалистер, на это будет забавно посмотреть.

* * *

Друзил неподвижно сидел на огромном столе Абалистера, с огромным интересом наблюдая за событиями в другом конце комнаты. Имп очень хотел сыграть большую роль с этой части испытаний, но только волшебники знали, что он фамильяр Абалистера, или то, что он вообще был живой. Войны триумвирата, даже жрецы, считали Друзила всего лишь статуэткой, так как когда они изредка заходили в личные апартаменты Абалистера, Друзил совершенно неподвижно сидел на столе.

– Наклонись пониже над кубком, когда будешь выливать последние капли, – попросил Абалистер, оборачиваясь к Друзилу за подтверждением. Имп незаметно кивнул, его ноздри раздулись в предвкушении.

– Все правильно, – сказал Абалистер Хаверли. – Глубоко вдыхай, пока льешь. – Хаверли немедленно выпрямился и с подозрением посмотрел на волшебника. Он явно не доверял Абалистеру – ведь раньше волшебник никогда не проявлял к нему своей дружбы.

– У меня большие планы, – угрожающе проговорил он. – И быть превращенным в тритона, или еще какую странную тварь, в них не входит.

– Ты сомневаешься? – внезапно прорычал Абалистер, зная, что испуг прогонит неуверенность молодого воина. – Тогда убирайся! Кто угодно может закончить смешивание. Я-то думал, что такой амбициозный человек, как ты...

– Достаточно, – прервал Хаверли. Абалистер знал, что его слова заделали за живое. Подозрительность Хаверли не могла равняться с его жадной властью. – Я поверю тебе, волшебник, хоть ты и не давал мне причин верить тебе. – закончил он.

– Я так же не давал причин не верить мне, – напомнил ему Абалистер.

Хаверли еще секунду глядел на Абалистера, выражение его лица так и не смягчилось, затем низко нагнулся над кубком и вылил последние капли. Как только жидкости соприкоснулись, светящийся красным эликсир выбросил клуб красного дыма прямо в лицо Хаверли. Воин отпрыгнул назад, меч сам собой появился в его руке.

– Что ты сделал со мной, – требовательно спросил он.

– Сделал? – невинно отозвался Абалистер. – Ничего. Дым совершенно безвреден, просто он застал тебя врасплох. – Некоторое время Хаверли осматривал себя, чтобы убедиться, что ничего страшного с ним не произошло, затем расслабился и кивнул волшебнику.

– Что дальше? – спросил он, весь обратившись во внимание. – Где та сила, которую ты мне обещал?

– Со временем, дорогой Хаверли, со временем, ответил Абалистер. – Смешивание эликсира – только первая ступень.

– Как долго? – потребовал нетерпеливый воин.

– Я мог бы пригласить Рэгнара вместо тебя, – резко напомнил ему Абалистер.

То, как изменилось лицо Хаверли при упоминании Рэгнара, заставило волшебника попятиться. Глаза молодого война неестественно выпучились, он прикусил губу так сильно, что подбородку у него побежала струйка крови.

– Рэгнара! – прорычал он сквозь сжатые зубы. – Рэгнар – самозванец! Притворщик! Ты не пригласишь Рэгнара, я лучше него!

– Ну конечно, дорогой Хаверли, – ворковал волшебник, стараясь успокоить этого человека с выпученными глазами, сообразив, что Хаверли был на грани срыва. – Именно поэтому... – Абалистер так и не успел закончить, так как Хаверли, бормоча что-то себе под нос, вытащил меч и выбежал из комнаты, чуть не разнеся в щепки дверь. Абалистер направился в коридор, не веря в происходящее.

– Опьяняющее зелье? – послышался саркастический вопрос из другого конца комнаты.

Ведомый воплями “Рэгнар!”, Абалистер не утрудил себя ответом импу. Волшебник поспешил вниз, не желая пропустить предстоящий спектакль, и скоро присоединился к двум своим коллегам, бегущим через залы.

– Это Хаверли, молодой боец, – сказала Дориген, единственная женщина-волшебник в Замке. Увидев злую ухмылку Абалистера, она и ее товарищ встали, как вкопанные.

– Зелье готово? – с надеждой спросила Дориген, ее янтарные глаза сверкнули, когда она перебросила свои длинные черные волосы через плечо.

– Проклятие Хаоса, – подтвердил Абалистер и повел их дальше.

Когда они добежали до огромной обеденной залы, схватка уже началась. Несколько столов были перевернуты и сотня пораженных людей, орков, и даже несколько гигантов стояли по периметру комнаты, не веря своим глазам. Рэгнар и Хаверли стояли лицом к лицу с обнаженными мечами.

– Воинам потребуется новый третий представитель в совете, – отметила Дориген. – Наверняка кто-то из них прибудет другого, а в совете останутся только двое воинов.

– Рэгнар! – громко провозгласил Хаверли. – Сегодня я займу место предводителя воинов.

Другой воин – мощно сложенный огриллон, который имел среди предков и огров и орков, и мог похвастать шрамами многих сражений, не был впечатлен.

– Сегодня ты займешь место среди своих предков, – выругался он в ответ.

Хаверли бросился вперед и его глупая, прямолинейная атака стоила ему удара в плечо, чуть не отрубившего руку. Доведенный до безумия воин даже не заметил раны.

Очень удивленный тем, что такая страшная рана не замедлила его оппонента, Рэгнар все же смог парировать меч Хаверли и приблизиться к человеку. Он схватил правую руку Хаверли своей свободной рукой и постарался занести оружие для удара.

Возгласы удивления раздались вокруг, когда Хаверли как-то умудрился поднять свою изуродованную руку и заблокировать удар Рэгнара подобным же образом.

– А ты сильнее, чем кажешься, – признал Рэгнар, весьма впечатленный, но несколько не обеспокоенный; в тех редких случаях, когда сила подводила его, огр-полукровка полагался на импровизацию. Он нажал потайную кнопку на рукояти меча и второе лезвие, длинное и узкое, выскочило из нее, направленное прямо в незащищенную голову Хаверли.

Хаверли был слишком занят, чтобы заметить. “Рэгнар!” – снова заорал он, на сей раз истерично, его лицо исказилось. Он ударил лбом в лицо Рэгнара, разбив тому нос. Голова Хаверли ударила снова, но Рэгнар не обращал внимание на боль, концентрируясь на смертельном ударе.

Голова Хаверли ударила в третий раз. Рэгнар, ощущая вкус собственной крови, грубо освободил свою правую руку и ударил прямо вниз, погружая второе лезвие в череп Хаверли.

* * *

Трое священников правящего триумvirата, вошли в комнату, ведомые Барджином, который явно был недоволен схваткой.

– Что тут творится? – потребовал он ответа у Абалистера, понимая, что волшебник сыграл здесь свою роль.

– Кажется, ответ лучше спросить у воинов, – пожав плечами, ответил Абалистер. Но видя, что священник собирается прекратить драку, он нагнулся и шепнул Барджину на ухо “Проклятие Хаоса”.

Лицо Барджина немедленно просияло, и он стал наблюдать за схваткой с неожиданным энтузиазмом.

* * *

Рэгнар с трудом мог поверить, что Хаверли все еще дрался. Его лезвие длиной в фут было окровавлено по самую рукоять, но его оппонент упрямо пытался, стараясь освободиться от пробившего голову клинка.

Рэгнар отпустил его, полагая это предсмертными судорогами. Но Хаверли не упал. Вокруг слышались удивленные возгласы – голос Барджина звучал громче всех.

– Рэгнар! – прорычал он, сильно глотая звуки и сплевывая кровью, когда произносил каждый слог. Кровь залила ему один глаз и сочилась из раны в голове, окрашивая его темные волосы, но он поднял меч и, спотыкаясь, поплелся в атаку.

Напуганный Рэгнар ударил первым, пользуясь частичной слепотой Хаверли, и попал по его, уже поврежденной руке. Сила удара срезала руку начисто и отбросила Хаверли на несколько футов в сторону.

– Рэгнар! – снова прошипел Хаверли, с трудом удерживая равновесие. Опять он бросился в атаку и опять Рэгнар нанес ему удар, на сей раз разрубив неприкрытую грудь, задев сердце и легкие.

Крики Хаверли стали неразборчивым сопением, но он продолжил свою атаку. Рэгнар яростно бросился к Хаверли, крепко обхватил его, сделав бесполезными оба меча. Хаверли нечем было защищаться от свободной руки Рэгнара, в которой был зажат его второй клинок, и лезвие многократно погрузилось в его спину.

Все– таки прошло много времени, прежде чем Хаверли рухнул замертво на пол.

– Стоящий противник, – отметил один самоуверенный орк, подходя поближе осмотреть тело. Весь в крови, со сломанным носом, Рэгнар был не в настроении слушать похвалы Хаверли.

– Упрямый дурак! – поправил он, снеся голову орка одним ударом.

Барджин кивнул Абалистеру.

– Талона смотрит с удовольствием. Пожалуй, твое Проклятие Хаоса стоит затрат.

– Проклятие Хаоса? – переспросил Абалистер, как будто название его поразило. – Это неподходящий титул для столь могущественного посланника Талоны. Пусть, пожалуй, будет *Туанта Минакай*... нет *Туанта Кви́ро Минакай*.

Один из товарищей Барджина, который понял язык и подразумеваемый смысл, удивленно воскликнул. Его компаньоны уставились на него, когда он перевел: “Смертельный Ужас!”

Барджин недобро посмотрел на Абалистера, понимая умысел волшебника. Абалистер сыграл самую главную роль в создании зелья и несколькими несложными словами поставил свое зелье выше его, Барджина. Но двое других жрецов, фанатичных последователей Талоны, уже с готовностью кивали головами, шепча хвалы созданию Абалистера.

– *Туанта Кви́ро Минакай*, – выдавил из себя загнанный в угол священник, пытаясь изобразить улыбку. – Да, это подойдет.

Глава 3. Даника

Тучный боец потер пухлой рукой свой новый синяк, стараясь не обращать внимания на колкости своих товарищей.

– Я слишком расслабился, дерясь против тебя, – сказал он молодой женщине, – я же второе больше тебя вешу, да к тому же ты – девчонка.

Даника убрала волосы, упавшие на ее карие миндалевидные глаза, и постаралась сдерживать улыбку. Она не хотела унижать гордого священника, последователя Огмы. Она знала, что его хвастовство было смехотворным. Он сражался со всей яростью, но это ничего ему не дало.

Даника была маленького роста, от силы пять футов в высоту, с мягкой копной вьющихся светлых волос, отросших до плеч, и улыбкой, способной похитить сердце паладина. Однако те, кто был хорошо с ней знаком, понимали, что под видом девчонки скрывается нечто большее. Годы медитаций и тренировок довели до совершенства мускулы и рефлекс Даники, что воображающие себя не бог весть какими бойцами жрецы Огмы, выясняли один за другим. Каждый раз, когда Даника нуждалась в информации из Библиотеки Наставников, она получала ее только в обмен на соревнование по борьбе. И сейчас, ради одного единственного свитка написанного давно умершим монахом, ей пришлось столкнуться с этим противником – потным и вонючим гигантом. На самом деле она была не против этой игры, так как знала, что может победить его так же просто, как победила остальных.

Толстяк поправил свой черный с золотом пояс и бросился вперед.

Даника подождала, когда он окажется прямо перед ней, а для зрителей это выглядело, как будто девушку сейчас погребет под горой плоти. В последний момент она проскользнула мимо него, схватила занесенную для удара руку и небрежно шагнула в сторону, когда тот пронесся мимо. Ловкий поворот запястья заставил его встать как вкопанного и, прежде чем жрец успел заметить, девушка пнула его под колени, повалив на пол.

Пока великан падал, его рука, удерживаемая удивительно сильным захватом Даники, оставалась на месте. Сочувственные стоны и насмешливые смешки послышались со стороны зрителей.

– Восточный угол! – закричал великан. – Третий ряд, третий ящик сверху, в серебряном футляре!

– Большое спасибо, – сказала Даника, отпуская хватку. Она осмотрелась, вспыхивая своей невинной улыбкой. – Пожалуй, в следующий раз, когда мне понадобится информация, вы можете драться со мной двое на одного.

Священники Огмы, опасаясь, что их бог остался недоволен, заворчали, отвернувшись.

Даника протянула руку поверженному священнику, но тот гордо отказался. Он с трудом поднялся на ноги, задохнувшись, чуть не упал опять, и побежал догонять остальных. Даника беспомощно покачала головой и взяла свои кинжалы с соседней скамейки. Она осмотрела их, как делала всегда, прежде чем убрать и в засапожные ножны. Эфес одного из них был золотым, выполненным в виде головы тигра, второго – серебряным, походившим на голову дракона. Оба клинка были сделаны из прозрачного хрусталя, на них было наложено заклинание, придававшее им крепость стали и превосходный баланс. Это были очень дорогие и ценные подарки учителя Даники, человека, по которому Даника очень скучала. Она жила с мастером Туркемом с тех пор, как умерли ее родители, и мудрый старик стал ее семьей. Даника подумала о нем, убирая кинжалы за голенище, и уже в миллионный раз поклялась навестить его, когда закончит свою учебу.

Даника Мопассант выросла в суete рыночной площади Вестгейта, в пятистах милях к северо-востоку от Библиотеки Наставников, на перешейке между Озером Драконов и Морем Упавших Звезд. Ее отец, Павел, был ремесленником и слыл лучшим плотником во всем реги-

оне, который, как и многие в Вестгейте, обладал независимым характером и немалой гордостью.

В их жизни были только нехитрые радости и безоговорочная любовь. Данике было двенадцать лет, когда ее отправили ученицей к старому, белобородому горшечнику по имени Туркел Бастан. Только спустя несколько месяцев Даника поняла мотивы родителей, пославших ее туда: они предвидели то, что должно было произойти.

Она провела год в метаниях по городу, разрываясь между своими обширными обязанностями у мастера Туркела и редкими возможностями сбегать домой. Затем, внезапно, ей стало некуда идти. Набег произошел ночью и когда грабители ушли, у нее не было ни родителей, ни дома, где она выросла, ни каретной мастерской, которая была трудом всей жизни ее отца.

Мастер Туркел даже не мигнул, когда сообщил ей эти ужасные новости, но маленькая девочка слышала потом, как он рыдает в одиночестве в своей комнате. Только тогда Даника поняла, что ее родители заранее подготовили ее ученичество. Она думала, что это произошло случайно, и боялась, что родители просто избавились от нее. Она знала, что Туркел был из далекой восточной страны Табот, горной области, откуда происходили предки ее матери, и ей стало интересно, не является ли Туркел ее дальним родственником. Какими бы ни были их родственные отношения, ученичество Даники стало вскоре принимать совсем другие формы. Он помог ей справиться со своим горем и вскоре начал ее настоящее обучение, не имеющее ничего общего с изготовлением посуды.

Туркел был монахом Таботана, учеником великого мастера Пенпанга Д'Ана, чьи верования соединяли ментальные дисциплины с физическими тренировками для достижения душевной гармонии. Даника предполагала, что Туркелу не меньше восьмидесяти лет, но он мог двигаться с изяществом охотящейся кошки и наносить удары голыми руками с силой стального оружия. Его приемы не просто удивили Данику, они поглотили ее. Тихий и не страдающий самонадеянностью, Туркел был самым умиротворенным человеком, которого Даника когда-либо знала, но под этим обликом скрывался бойцовый тигр, которого можно было вызвать в час нужды.

Точно так же и внутри Даники вырос свой тигр. Она училась и тренировалась; ничто другое для нее не имело значения. Постоянная работа была лекарством от ее воспоминаний, препятствием для боли, с которой она все еще не могла справиться. Туркел все понимал, как позже сообразила Даника, и с осторожностью выбрал момент, чтобы рассказать ей побольше о кончине ее родителей.

Ремесленники и купцы Вестгейта, со всей своей независимостью, а скорее из-за нее, были жестокими соперниками; этот факт касался и Павла. В городе было еще несколько плотников – Туркел отказался сказать Данике их имена – которые завидовали процветанию Павла. Несколько раз они приходили к Павлу, угрожая ему серьезными последствиями, если он не поделится заказами.

– Если бы они пришли как друзья, Павел бы обязательно поделился, – говорил Туркел, как будто бы он и отец были более чем едва знакомыми, которыми они притворялись на людях. – Но твой отец был гордым человеком. Он не поддавался на угрозы, несмотря на реальность опасностей, стоящих за ними.

Даника никогда не заставляла Туркела рассказывать, кто именно убил ее родителей – или, скорее, нанял знаменитых Ночных Масок – обычный способ покушения в Вестгейте. Она и до сих пор не знала, кто это был. Она верила, что учитель расскажет ей, когда она будет готова знать, готова отомстить, если таков будет ее выбор, или когда она будет в состоянии оставить в покое прошлое и начать строить будущее. Туркел всегда старался показать, что сам выбрал бы последнее. Образ престарелого мастера ярко вспыхнул в голове Даники, когда она стояла там, держа в руке кинжалы.

– Ты переросла меня, – говорил учитель, и в его голосе не было ничего, кроме гордости. – Твои умения превосходят мои во многих областях.

Даника хорошо помнила: она думала тогда, что настало время отмщения. Что Туркел скажет ей имена заговорщиков, убивших ее отца, велит идти и отомстить.

Но у Туркела были другие планы.

– Остается только один мастер, который может продолжать наставлять тебя, – сказал Туркел. И как только он упомянул Библиотеку Наставников, Даника поняла, что за этим последует. В Библиотеке хранились многие редкие и бесценные свитки мастера Пенпанга Д’Ана; Туркел хотел, чтобы она училась напрямую по свиткам давно умершего учителя. Именно тогда Туркел дал ей эти два замечательных кинжала.

Итак, она покинул Вестгейт, будучи еще почти ребенком, чтобы достигнуть новых вершин самодисциплины. Снова учитель Туркел продемонстрировал свою любовь и уважение к ней, поставив ее нужды превыше своего отчаяния от ее отъезда.

Даника полагала, что многое успела за свой первый год обучения в библиотеке, как в своих занятиях, так и в понимании других людей и мира, который внезапно оказался таким огромным. Ирония, как она полагала, была в том, что мир ей приходилось познавать практически в монастырском уединении, но не могла она и отрицать, что ее взгляды на жизнь значительно изменились за тот год, что она провела в библиотеке. Раньше она жила только жаждой мести; но теперь Вестгейт и наемные убийцы казались такими далекими, и множество других, гораздо более приятных возможностей открылось для нее.

Сейчас она прогнала те темные воспоминания, остались только последние образы спокойной улыбки ее отца, миндалевидных глаз ее матери, множества морщинок на умудренном годами лице учителя Туркела. Затем рассеялись и эти образы, уступив место многим обязанностям Даники в ее ремесле.

Библиотека была огромной комнатой с множеством арок и колонн, тысячи барельефов, вырезанных на них, способны были поразить кого угодно. Данике потребовалось много времени, чтобы хотя бы определить который тут восточный угол. Когда она туда добралась, пробравшись по обложенному книгами проходу, кое-кто ее там уже ждал.

Каддерли не смог сдержать улыбки; у него это никак не получалось, когда он смотрел на Данику, с самого первого дня, когда он ее увидел. Он знал, что она из Вестгейта, что в нескольких сотнях миль к северо-востоку. Одно это делало ее чужестранкой в его глазах, а в ней было еще столько всего, что занимало его воображение. Хотя у Даники были западные черты лица, не сильно отличавшиеся от уроженцев центральных Королевств, форма ее глаз выдавала, что предки ее были с далекого, экзотического Востока.

Каддерли часто задавался вопросом, было ли это тем, что привлекло его в ней в самом начале. Миндалевидные глаза обещали приключение, а ему всегда до боли хотелось приключений. Ему исполнился уже двадцать один год, а за пределами Библиотеки ему удавалось побывать совсем нечасто, и даже тогда иго обязательно сопровождал один из учителей, как правило, Авери, и несколько других священников. Иногда, Каддерли казалось, что в его жизни чего-то не хватает. Для него приключения и битвы были лишь образами со страниц книг. Он даже никогда не видел живого орка, или еще какое другое чудовище.

А таинственная Даника была воплощением всех этих вещей для него.

– Ты долго сюда добиралась, – лукаво отметил Каддерли.

– Я в Библиотеке только год, – возразила Даника, – а ты живешь здесь с пяти лет.

– Даже в таком возрасте я разобрался в Библиотеке за неделю, – уверил ее Каддерли, щелкнув пальцами. И тут же зашагал рядом с ней, проворно направляющейся к углу.

Даника взглянула на него, затем проглотил готовый сорваться едкий ответ, не уверенная, дразнит ее этот Каддерли или нет.

– Ты теперь дерешься со здоровяками? – спросил Каддерли. – Мне нужно беспокоиться?

Даника внезапно остановилась, притянула лицо Каддерли к своему и пылко поцеловала его. Она отошла от него на несколько дюймов, и Каддерли потонул в ее миндалевидных глазах. Каддерли беззвучно поблагодарил Дениера, что тот не требовал от своих служителей обета безбрачия.

– Драка возбуждает тебя, – застенчиво отметил Каддерли, прогоняя напряжение, но и губя всю романтику. – Вот теперь я обеспокоен.

Даника слегка толкнула его, не отпустив его туники.

– Тебе надо быть поосторожней, знаешь ли, – продолжал Каддерли, внезапно посерьезнев. – Если кто-то из учителей поймает тебя за дракой...

– Гордые молодые хранители не оставляют мне выбора, – ответила Даника, небрежно скидывая голову и убирая волосы с лица, она даже не вспотела, расправившись с последним оппонентом. – В этом лабиринте, который ты зовешь Библиотекой, я не нашла бы и половины того, что мне нужно за сотню лет. – Она закатила глаза, чтобы подчеркнуть величину комнаты с колоннами.

– Не проблема, – заверил ее Каддерли. – Я здесь во всем разобрался...

– В пять лет! – закончила за него Даника и опять притянула его поближе. Тут Каддерли решил, что из ее внимания можно извлечь дополнительные выгоды. Он осторожно подошел к Данике справа – он был левшой, а в прошлый раз, когда он проделал это левой рукой, он не мог работать несколько дней. Каддерли был совершенно очарован тем, что Даника называла “Увядавшим Прикосновением”, считая это наиболее эффективным не смертельным ударом, который он когда-либо видел. Он умолял Данику научить его этому удару, но умелая монахиня оберегала свои секреты, объясняя это тем, что приемы были лишь частью ее религии, в равной степени дисциплиной тела и разума. Она не позволяла другим копировать простые приемы, без достижения требуемого состояния разума, и постижения философских оснований данного приема.

Посреди поцелуя, Каддерли положил руку на живот Даники, ниже края ее короткой сорочки. Как всегда, молодого священника поразили твердые, перекатывающиеся мускулы ее живота. Спустя мгновение, он медленно повел руку вверх.

Реакция Даники последовала через мгновение. Ее рука с вытянутым вперед пальцем пронеслась мимо его груди и ударила в плечо.

Уже успевшая забраться под сорочку рука Каддерли немедленно остановилась, затем безжизненно повисла. Он морщился, пока боль не перешла в простое онемение всей руки.

– Ты такой... – запинаясь, говорила Даника, – Такой... мальчишка! – Сперва Каддерли подумал, что ее злость была результатом его выходки, но Даника поразила его окончательно.

– Ты так и не можешь отвлечься от своих занятий?

– Она знает! – пробормотал пораженный Каддерли, когда Даника выбежала прочь. Ожидая, нападения он краем глаза следил за рукой Даники, и полагал, что точно знал, куда ударил палец. До этого момента он полагал, что номер удался, несмотря на все продолжающуюся боль. Но теперь Даника все поняла!

Молодой ученый остановился на секунду, подумать над тем, что подразумевала Даника, но затем Каддерли услышал нежный смех Даники из-за ближайшего шкафа – у него как будто гора с плеч свалилась. Он шагнул к ней, намереваясь извиниться, но Даника подобралась, как только он свернул за угол – ее палец был готов к удару.

– Прикосновение сработает на твою голову ничуть не хуже, – пообещала молодая женщина, ее светло-карие глаза сверкнули.

Каддерли в этом ничуть не сомневался, и уж тем более он не хотел, чтобы Даника подтвердила свои слова. Его всегда поражало, что Даника, весившая вдвое меньше него, могла запросто его свалить. Он посмотрел на нее с искренним восхищением, даже с завистью, ибо Каддерли очень хотел бы иметь преданность и целеустремленность Даники, ее страсть к учебе.

Тогда как Каддерли рассеянно шел по своей занятой жизни, видение жизни Даникой оставалось сфокусированным, основанным на суровой философичной религии, мало известной в западных Королевствах. Все это так же поддерживало очарованное состояние Каддерли. Он хотел открыть ее разум и сердце, заглянуть в них, зная что там он найдет ответы, которые заполнят пустоты в его жизни.

Даника воплощала в себе все его мечты и надежды, он даже не пытался вспомнить, какой болезненно пустой была его жизнь до встречи с ней. Он попятился назад, поднимая руки с открытыми ладонями, желая показать, что не хочет больше демонстраций.

– Стой! – приказала Даника так резко, как только позволял ее мелодичный голос. – Тебе, что, нечего мне сказать? – Каддерли на мгновение задумался, гадая, что она хочет услышать.

– Я люблю тебя? – скорее спросил, чем заявил он.

Даника кивнула, обезоруживающе улыбнулась, затем опустила руку. Серые глаза Каддерли вернули улыбку в десятикратном размере, и он шагнул к ней.

Опасный палец взметнулся вверх и начал раскачиваться, напоминая некую адскую змею.

Каддерли потряс головой и бросился прочь из комнаты, останавливаясь только чтобы схватить обрывок пергамента и погрузить перо, которое он хранил заткнутым за ленточку на шляпе в открытую чернильницу. Он прекрасно запомнил “Увядающее Прикосновение”, и хотел зарисовать его, пока образ был свеж в памяти.

На этот раз смех Даники был далеко не таким нежным.

Глава 4. Песнь

– Они поют ему! – воскликнул удивленный Друзил, не будучи уверенным, хорошо это, или плохо. Религиозные фанатики Замка Троицы приняли создание зелья слишком близко к сердцу; даже не столь преданные делу члены совета, как Рэгнар и, по мнению Абалистера, Барджин, влились в поток фанатиков. – Только не очень, боюсь, хорошо поют. – Император прикрыл уши крыльями, чтобы приглушить звук.

Абалистера тоже далеко не восхищал разноголосый вой, который эхом отдавался по всему замку, а стены и двери были не в состоянии приглушить эту фанатичную какофонию. Впрочем, он переносил выходки жрецов гораздо более стойко, чем нервный император. Но нельзя было сказать, что у Абалистера не было задних мыслей по этому поводу. Со времени драки в обеденном зале, имевшей место четыре недели назад, Барджин умудрился приписать все заслуги по созданию зелья себе и сейчас его голос вел хор, исполнявший хвалы Смертельному Ужасу.

– У Барджина есть богатство, – напомнил Друзил волшебнику, как бы читая его мысли. Абалистер ответил, угрюмо кивнув.

– Боюсь, что оскорбление обернулось против меня, – объяснил он, медленно подходя к окну, чтобы посмотреть на Сияющие Равнины. – Назвав Проклятие Хаоса Смертельным Ужасом, я хотел унижить Барджина, ослабить его позиции, но он со всем этим легко справился, смог превозмочь свою гордость. Все последователи верят в его преданность Талоне и Проклятию Хаоса. – Абалистер вздохнул. С одной стороны, он жалел, что не смог унижить Барджина, во всяком случае прилюдно, но с другой, предводитель священников, искренен он или нет, хорошо готовил Замок Троицы к предстоящим испытаниям и претворял в жизнь волю Талоны.

– Если последователи будут думать, что наше зелье – простое магическое варево, они не будут с такой готовностью отдавать свои жизни за наше дело, – резонно заметил Абалистер, поворачиваясь к Друзилу. – Нет ничего лучше религии, чтобы расшевелить чернь.

– Ты не веришь, что зелье – посланник Талоны? – спросил Друзил, хотя он заранее знал ответ.

– Я знаю разницу между магическим варевом и человеком, благословленным одним из богов, – сухо ответил Абалистер. – Зелье действительно послужит делу Госпожи Ядов, так что его титул вполне подходящий.

– Барджин собрал вокруг него все силы Замка Троицы, – быстро ответил Друзил угрожающим голосом. – Даже Рэгнар не осмеливается идти против него.

– А зачем это ему, или еще кому-то надо? – ответил Абалистер. – Проклятие Хаоса скоро будет использовано по назначению, а Барджин сыграл в этом главную роль.

– А какой ценой? – потребовал император. – Я дал рецепт Проклятия тебе, хозяин, а не жрецу. И все таки именно жрец контролирует его и использует тебя и других волшебников для своих целей.

– Мы – братство и клялись друг другу в верности.

– Вы – сборище воров, – фыркнул Друзил. – Но не злоупотребляющее таким понятием, как честь. Если бы Рэгнар не боялся тебя, и не видел выгоды в твоём существовании, он бы тебя лично зарубил. Барджин... – Друзил закатил глаза – ... Барджина не волнует ничего, кроме него самого. Где его шрамы? Где татуировки? Он не заслуживает ни своего титула, ни своего места среди священников. Он падает на колени перед своей богине только для того, чтобы все вокруг превозносили его святость. Нет ничего религиозного...

– Достаточно, дорогой Друзил, – успокоил его волшебник, мягко качнув рукой.

– Ты ведь не будешь отрицать, что Барджин контролирует Проклятье Хаоса? – возразил имп. – Неужели ты веришь, что Барджин проявил бы хоть какую-нибудь верность Абалистеру, если бы Абалистер не был ему нужен?

Абалистер отошел от окна и уселся обратно в деревянное кресло – сказать ему было нечего. Но даже признай он, что просчитался, сейчас уже ничего нельзя было сделать, чтобы предотвратить развитие событий. У Барджина было зелье и деньги, и пожелай Абалистер перехватить власть над Проклятием Хаоса, ему пришлось бы драться со всем триумvirатом. Абалистер и его подчиненные волшебники были могущественны, но их было только трое. И теперь, когда Барджин пробудил в сотнях солдат Замка религиозный пыл, волшебники были в некоторой степени изолированы внутри комплекса.

– Они даже придумали ритуал, – продолжал имп, выплевывая каждое слово с отвращением. – Ты знал, что Барджин поместил охранные глифы на флакон, так что только невинный сможет открыть его?

– Это обычное дело для священников, – небрежно ответил Абалистер, пытаясь развеять сомнения Друзила.

– Он не понимает ту власть, которая ему досталась, – ответил Друзил. – Проклятию Хаоса не нужны такие проделки священника.

Абалистер пожал плечами, как будто его это не интересовало, но он тоже не был согласен с решением Барджина касательно тех глифов. Барджин полагал, что позволив невинному человеку послужить невольным катализатором процесса, порадует хаотичную богиню. Но Абалистер полагал, что жрец лишь добавляет сложности и без того непростому процессу.

– *Барджин кiesta нас теллемара*, – пробормотал Друзил.

Глаза Абалистера сузились. Он слышал эту явно не очень льстивую фразу много раз при разных обстоятельствах за последние несколько недель, в большинстве своем обращенную к нему. Он держал свои подозрения при себе, понимая, впрочем, что большинство жалоб Друзила было справедливым.

– Пожалуй, настало время выпустить Смертельный Ужас за пределы этих стен, чтобы выполнить волю Талоны, – сказал Абалистер. – Пожалуй, мы готовились слишком долго.

– Власть Барджина сильно укрепилась за последнее время, – сказал Друзил. – Не недооценивай его. – Абалистер кивнул, затем встал и прошелся по комнате.

– Не стоит также недооценивать, – заметил он импу, – Преимущества убеждения людей в том, что их деяния служат достижению высших целей, о том, что на решения их важнее влияют сами боги. – Волшебник открыл тяжелую дверь, и его последние слова потонули в нечестивой песне. Сейчас пели не только священники Барджина, песнь отдавалась от стен сотнями голосов, переходивших в крики. Абалистер, выходя, недоверчиво потряс головой.

Друзил не мог не заметить сколь эффективно Барджин подготовил войска к выполнению предстоящих задач, но слишком уж много было оговорок с этим Смертельным Ужасом и всеми осложнениями, которые подразумевал этот титул. Имп знал, в отличие от Абалистера, что волшебнику не удастся вот так запросто уйти с бутылкой зелья.

* * *

– Больше похоже на этот, – сказал Каддерли Ивану Болдешолдеру, дварфу с квадратными плечами и желтой бородой, достаточно длинной, чтобы наступить на нее, ели не смотришь под ноги. Оба были возле кровати Каддерли – Иван стоял, а Каддерли присел на корточки – и рассматривали шпалеру, изображавшую легендарную войну, во время которой эльфийская раса распалась на наземных эльфов и дроу. Будучи развернутым только наполовину, огромное тканое полотно занимало всю кровать. – Конструкция верна, но желобок может оказаться маловат для моих дротиков.

Иван вынул небольшую палочку, с пометками через равные расстояния, и измерил ручной арбалет, указанный Каддерли, и руку темного эльфа, который его держал.

– Подойдет, – ответил дварф, уверенный в своей работе. Он посмотрел в другой конец комнаты, где его брат Пикел был занят несколькими макетами, созданными Каддерли. – Арбалет у тебя?

Поглощенный своей игрой, Пикел даже не услышал его. Он был старше брата на несколько лет, но куда менее серьезным. Они были примерно одного роста, хотя плечи Пикела были несколько более покатыми, что только подчеркивалось его плохо сидящим одеянием. Его борода на этой неделе была зеленой, поскольку он ее выкрасил в честь прибывших друидов. Пикелу друиды очень нравились, что заставляло его брата закатывать глаза и краснеть. То, что дварф так хорошо ладил с лесным народом, было необычно, но Пикел был необычным дварфом. Вместо того, чтобы носить бороду, свисающую до носков ботинок, он разделил ее посередине и зачесал за свои огромные уши и та, вместе с волосами, свисала до середины спины. Это казалось очень глупым Ивану, но Пикел, библиотечный повар, считал что это очень практично, и не дает бороде попадать в суп. Кроме того, Пикел не носил сапог, как все дварфы; он носил сандалии – подарок друидов – и длинная борода щекотала кончики его кривых пальцев.

– О-о-ой, – посмеивался Пикел, переставляя макеты. Один исключительно походил на Библиотеку Наставников – приземистое четырехэтажное здание с рядами крошечных окон. Другой макет был куском стены, похожим на те, что были в Библиотеке, поддерживаемый тяжелыми, массивными сводами. Но Пикела заинтриговал третий, самый высокий макет. Это тоже была стена, но дварф, далеко не профан в каменных кладках, ничего подобного никогда не видел. Макет был по пояс четырехфутовому дварфу, но даже близко не был таким широким и неуклюжим как предыдущий, тот, что пониже. Тонкий и грациозный, макет представлял из себя две структуры: стену и поддерживающую ее колонну, соединенные двумя мостами, один был примерно посередине, а другой на самом верху.

Пикел сильно надавил на макет пальцем, но каким бы хрупким тот не казался, он ничуть не согнулся под таким впечатляющим весом.

– О-о-ой, – визгнул довольный дварф.

– Арбалет! – потребовал Иван, теперь уже стоящий за спиной Пикела. Пикел начал шарить по многочисленным карманам своего поварского фартука и, наконец, вытащил небольшой деревянный ящичек.

Пикел подтолкнул Каддерли, указал на странную стену и подтвердил свою просьбу любопытным взглядом.

– Просто результат исследований, которые я проводил несколько месяцев назад, – объяснил Каддерли. Он старался, подчеркнуть свое безразличие, но в его голосе звучало волнение. Со всеми недавними событиями он совсем забыл про макеты, хотя новая конструкция была просто замечательной. Библиотека Наставников вовсе не была мирским строением. Увитые плющом изящные скульптуры покрывали ее стены, а запутанная система водосточных труб поддерживались самыми удивительными скульптурными химерами во всех Королевствах. Лучшие умы со всей округи спроектировали и построили это здание, но когда бы Каддерли на него не смотрел, он видел только ограниченность конструкции. Несмотря на все его украшения, здание было четырехугольным и приземистым, а окна были маленькими и непримечательными.

– Это мои идеи по расширению Библиотеки, – объяснил он Пикелу. Он взял попавшее под руку одеяло, подсунил его под макет Библиотеки и приподнял его концы, изображая горную местность вокруг нее.

Иван покачал головой и направился обратно к кровати, зная, что Каддерли и Пикел могли продолжать свои странные разговоры часами.

– Столетия назад, когда была построена Библиотека, – начал Каддерли, – Никто и понятия не имел, что она так разрастется. Основатели желали иметь тихий уголок, где они могли бы заниматься в одиночестве, так что они выбрали высотные перевалы Снежных Гор. Большинство северных и восточных крыльев, так же как третий и четвертый этажи были добавлены гораздо позже, но нам все равно не хватает места. Теперь со всех сторон местность слишком гористая, и дальнейшее строительство без земляных работ невозможно. А на западе так вообще сплошная скала, через которую не пробьешься.

– Ой ли? – пробормотал не слишком уверенный в этом Пикел. Братья Болдешолдер приехали из недоступных гор Галена, далеко на севере от Ваазы, где земля померзла насквозь и была тверже чем где-либо в Королевствах. Но не слишком твердой для кирки решительного дварфа! Однако Пикел держал эти мысли при себе, не желая останавливать размечтавшегося Каддерли.

– Я думаю, нам следует расширяться вверх, – небрежно продолжал Каддерли. – Добавим пятый и, возможно, шестой этажи.

– Не выдержит, – проворчал с кровати Иван, вовсе не заинтересованный разговором и желающий вернуться к обсуждению вопроса с арбалетом.

– Ага! – вскричал Каддерли, подняв один палец в воздух. По лицу молодого священника Иван догадался, что против воли подыграл ему. Каддерли очень любил сомневающих, когда речь заходила о его изобретениях.

– Воздушные контрфорсы! – провозгласил Каддерли, указывая на странную, двухосновную стену.

– О-о-ой, – согласился Пикел, который уже проверил крепость этой стены.

– Это же для феечек, – проворчал сомневающийся Иван.

– Посмотри на нее, Иван, – благоговейно сказал Каддерли. – Верно, “для феечек”, как ты выразился, если только мы говорим о ее изяществе. Силу конструкции нельзя недооценивать. Мосты распределяют нагрузку так, что стены с минимумом каменной кладки могут выдержать гораздо больше, чем может показаться, оставляя невероятные возможности для конструкции окон.

– Конечно, нагрузка, но только сверху, – грубовато ответил дварф. – Но как ей понравится удар тараном сбоку? А что насчет ветров? Они здесь очень сильные, и станут еще сильнее наверху!

Каддерли довольно долго раздумывал о своих воздушных контрфорсах. Каждый раз, как он смотрел на макет, его переполняла надежда. Он думал, что Библиотека должна быть местом физического и умственного просвещения. И хотя она была окружена величественными горами, сама Библиотека оставалась темным строением с толстыми стенами. Архитектурный стиль того времени требовал массивных каменных фундаментов и не позволял делать большие окна. Для обитателей Библиотеки Наставников солнечный свет был роскошью, которой наслаждались снаружи. – Ученые не должны сидеть за книгами при свечах, даже в полдень, зарабатывая близорукость, – заспорил Каддерли.

– Величайшие орудия этого мира были созданы в глубоких пещерах моих предков, – парировал Иван.

– Ну, это было только началом идеи, – защищаясь пробормотал Каддерли, внезапно соглашаясь, что им стоит вернуться к арбалету. Каддерли не сомневался в потенциале своей идеи, но понимал, что ему трудновато будет убедить прожившего столетие в тесных туннелях дварфа в ценности солнечного света.

Все понимающий Пикел положил руку на плечо Каддерли в знак утешения.

– Теперь вернемся к арбалету, – сказал Иван, открывая деревянный ящичек. Дварф аккуратно достал маленький, почти законченный арбалет, напоминавший тот, что был изображен на шпалере. – Работа пробуждает во мне жажду!

– Свиток почти переведен, – заверил его Каддерли, поняв намек на древний рецепт пива dwarфов, который он пообещал в обмен на арбалет. На самом деле Каддерли перевел рецепт уже несколько недель назад, но пока придерживал его, зная, что dwarf будет работать быстрее в надежде ухватить такую награду.

– Это хорошо, парень, – ответил Иван причмокивая губами. – Получишь свой арбалет через неделю, но мне нужна картинка, чтобы его закончить. У тебя есть изображения поменьше? – Каддерли покачал головой:

– У меня есть только эта шпалера, – признал он.

– Ты хочешь, чтобы я прошелся по всей библиотеке с краденной шпалерой под мышкой? – прорычал Иван.

– Одолженной, – поправил Каддерли.

– С одобрения госпожи Пертелопы? – саркастически спросил Иван.

– Ох-ох, – добавил Пикел.

– Да она его даже не хватится, – неуверенно ответил Каддерли. – А если и хватится, то скажу, что надо было подтвердить пару параграфов из тома про дроу, который я перевожу.

– Пертелопа знает о дроу гораздо больше тебя, – напомнил ему Иван. – Она же и дала тебе эту книгу.

– Ох-ох, – снова сказал Пикел.

– Пиво чернее полуночи, – бесцеремонно проговорил Каддерли, – Так говорится в рецепте. Оно убьет дерево средних размеров, если хотя бы пинту разлить у корней.

– Берись за другой конец, – сказал Иван Пикелу. Пикел натянул похожий на гриб поварской колпак на копну своих зеленых спутанных волос, отчего его и без того не маленькие уши стали казаться еще больше, и помог Ивану потуже закатать шпалеру. Они вместе подняли ее, а Каддерли в этот момент распахнул дверь, и убедился, что коридор пуст.

Каддерли посмотрел через плечо на полоску солнечного света, льющегося из окна. Пол под окном был размечен через выверенные интервалы, чтобы служить утренними часами.

– Почти полдень, – сказал он dwarfам. – Брат Певчий начнет дневную песнь уже очень скоро. Все священники обязаны присутствовать, да и остальные, скорее всего, будут там. Путь будет свободен.

Иван кисло взглянул на Каддерли.

– Тут-тут, – пробормотал Пикел, покачивая своей мохнатой головой и грозя пальцем.

– Да буду я там! – рыкнул на них Каддерли. – Никто и не заметит, если я чуть-чуть припозднюсь.

И тут зазвучала музыка. Прекрасное сопрано Брата Певчего мягко отдавалось по коридорам древней библиотеки. Каждый полдень Певчий занимал свое место на подиуме главного зала библиотеки и пел де песни – баллады о Дениере и Огме. Многие ученые приходили в библиотеку заниматься, но многие приходили и послушать знаменитого Певчего. Он пел один, но мог так наполнить главный зал и прилегающие комнаты своим удивительным четырехоктавным голосом, что зрителям постоянно приходилось смотреть на него, дабы быть уверенными, что за ним не стоит хор.

Песнь Огмы была нынче первой, и под прикрытием этой энергичной, будоражащей мелодии, брата Болдешолдер спотыкаясь и подпрыгивая пробирались по извилистым лестницам и через слишком узкие для них двери в свои владения за библиотечной кухней.

Примерно в это же время Каддерли пробрался в главный зал, тихонько проскользнув сквозь высокие дубовые двери и добравшись до укромного уголка за огромной опорой одной из арок.

– Воздушные контрфорсы, – пробормотал он не сдержавшись и покачал головой при виде неуклюжей колонны. Затем он понял, что не смог войти незамеченным. Киркан Руфо улынулся ему из тени ближайшей арки.

Каддерли знал, что пронырливый Руфо ждал его, желая найти новый повод для ярости учителя Авери, и знал, что Авери не простит его опоздание. Каддерли притворился, что ему все равно, не желая льстить самолюбию Руфо. Он подчеркнуто посмотрел в сторону и достал болас – архаичное оружие, которое использовалось в древних племенах хафлингов из южного Луирена. Но его устройство состояло из двух круглых хрустальных дисков, каждый шириной в палец и палец в диаметре, соединенных палочкой, к которой был привязан ремень. Каддерли узнал об оружии из одной пыльной книги и даже улучшил конструкцию, использовав металлическую перекладину с дыркой посередине, к которой гораздо надежнее крепился ремень.

Каддерли пропустил палец через петлю на свободном конце ремня. Легкий поворот запястья – и диски размотались до самого конца ремня, затем Каддерли заставил их смотаться обратно легким движением пальца.

Каддерли взглянул краешком глаза на Руфо. Поняв, что завладел его вниманием, он опять послал диски вниз, потом обмотал ремень вокруг пальцев свободной руки, получив треугольник. Все еще крутящиеся диски он держал посередине, качая их вперед – назад как детскую колыбель. Теперь Руфо наклонился вперед, загипнотизированный игрой, и Каддерли не упустил возможность.

Он отпустил ремень со своей качающейся руки, скручивая болас слишком быстро, чтобы за ним мог уследить глаз, затем бросил их в направлении своего соперника. Ремень вернул болас в руку Каддерли прежде, чем он пролетел половину расстояния до Руфо, но напуганный человек отшатнулся назад и упал. Каддерли поздравил себя с тем, как удачно он подгадал момент, так как шумное падение Руфо совпало с самой драматичной паузой в песне Брата Певчего.

– Ш-ш-ш-ш, – сердитое шипение послышалось со всех сторон, а Каддерли старался пуще всех. Похоже, что нынче вечером учитель Авери будет “воспитывать” уже двух учеников.

Глава 5. Знать своих союзников

Комната встреч Замка Троицы сильно отличалась от изукрашенного главного зала Библиотеки Наставников. Потолки там были низкими, а низкая дверь запиралась на засов и хорошо охранялась. Посреди комнаты стоял треугольный стол, у каждой его стороны стояли по три стула; три для волшебников, три для воинов и три для священников.

– *Осмотри комнату*, – телепатически попросил Друзил у Абалистера, который только что в нее вошел. Имп мог глядеть сквозь глаза волшебника, используя их телепатическую связь. Абалистер сделал как его просили – пробежал глазами по треугольному столу, сначала по Рэгнару и двум другим бойцам, затем обратил взор к Барджину и его жрецам – компаньонам.

Друзил внезапно прервал мысленную связь и даже зашипел от веселья, зная, что Абалистер был обескуражен. Он чувствовал, как волшебник пытается восстановить мысленную связь, почти слышал направленные к нему призывы Абалистера.

Но не Абалистер управлял их мысленной связью. Имп уже пользовался этой формой связи за много десятилетий до того, как волшебник был рожден; так что именно он устанавливал время и место связи. И теперь у Друзила не было причин продолжать контакт; он увидел все, что ему было нужно. Барджин был в комнате встреч и будет там еще некоторое время.

Друзил нащупал в себе сосредоточие магии, квинтэссенции своего родного плана, которая позволяла ему нарушать законы физики этого мира. Несколько секунд спустя имп растворился в воздухе, становясь прозрачным, и, похлопывая крыльями, полетел в коридоры Замка Троицы, которые посещал нечасто.

Дело было рискованным, и имп это знал, но если Проклятие Хаоса было в руках священника, то Друзилу нужно было знать о нем побольше.

Друзил понимал, что дверь будет заперта и магически защищена от вторжения, но, принимая в расчет стражника, стоящего у двери, это не представляло проблемы. Друзил на мгновение вошел в мысли человека – только для того, чтобы оставить там сомнение, магическую просьбу.

– *В комнате Барджина посторонний*, – пришел беззвучный зов Друзила.

Охранник стал оглядываться по сторонам, как будто ища источник зова. Он долго смотрел на дверь Барджина – прямо сквозь невидимого импа – затем стал второпях греметь ключами, прошептал пароль, предотвращающий взрыв глифов и вошел.

Друзил чуть слышно повторил то же слово и вошел за ним. Потратив несколько минут на обыск казавшейся пустой комнаты, страж помотал головой и вышел, заперев за собой дверь.

Друзил усмехнулся тому, как легко было управлять людьми. У импа не было привычки злорадствовать, хотя, со всеми секретами Барджина в его распоряжении, он мог позволить себе эту слабость.

Комната была довольно скромной для человека с таким положением. На фоне задней стены выделялась кровать с балдахином и столик рядом с ней. На столике рядом с лампой лежала книга в черном переплете, а неподалеку несколько перьев и чернильница.

– Как это мило с твоей стороны – вести журнал, – проскрежетал имп, осторожно открывая этот труд. Он пробежал глазами первые записи двухлетней давности. Это были в основном жалобы Барджина, рассказы о его подвигах в северных королевствах Вааза, Дамара и Нарфель, что еще дальше к северу. Уважение Друзила к священнику все росло по мере того, как он читал дальше. Когда-то Барджин командовал армией и служил могущественному хозяину – не было конкретных указаний, что это был за человек, если вообще человек – но не как священник, а как маг!

Друзил приостановился, чтобы обдумать это откровение, но затем зашипел и продолжил читать. Каким бы внушительным он не казался, Барджин признавал, что был не самым могу-

щественным волшебником на службе у хозяина – опять туманное упоминание этого загадочного хозяина. Друзилу показалось, что, пожалуй, Барджин даже спустя годы боялся произнести имя этого существа вслух или записать его. Восхождение Барджина к вершине власти имело место уже позже, когда армию охватил религиозный фанатизм, а его хозяин, по всей видимости, достиг божественного могущества.

Друзил не смог сдержать улыбку, когда подумал о бросающихся в глаза параллелях между восхождением Барджина и превращением Проклятия Хаоса в посланника Богини.

Барджин стал священником и возглавил армию, дабы удовлетворить желание своего хозяина завоевать все северные земли. Но затея провалилась, когда орден паладинов – Друзил громко зашипел при упоминании этого проклятого слова – был организован в Дамаре и собрал свою армию. Хозяин Барджина и большинство его приспешников были низвергнуты, но сам Барджин чудом убежал, прихватив с собой добрую часть армейской казны.

Барджин бежал на юг, один, не считая нескольких лакеев. С тех пор, как его самопровозглашенный “бог” был убит, его жреческие способности сильно ослабли. Друзил некоторое время раздумывал над тем, что нигде не было упомянуто о его якобы имевшей место встрече с аватаром Талоны.

Далее журнал повествовал о вступлении Барджина в триумвират Замка Троицы – опять ни слова об аватаре. Друзил улыбнулся тому, каким скользким человеком был этот Барджин. Даже год назад, пришедши как оборванный странник, Барджин обманул лидеров Замка Троицы, используя их же фанатизм против них самих.

Пробыв только месяц в замке, Барджин занял третье место в иерархии священников, а спустя еще несколько недель, стал безоговорочным предводителем Замка Троицы, как главный представитель Талоны. И все же, понял Друзил пролистывая страницы, Барджин думал о своей богине так мало, что уделил ей лишь несколько поверхностных упоминаний в своем журнале.

Абалистер был прав: Барджин был лицемером, что, в общем-то, не имело значения. Друзил снова громко усмехнулся иронии всего происходящего, чистому хаосу.

Остальную часть истории Барджина Друзил знал достаточно хорошо; он-то жил здесь за долго до того как приехал священник. К несчастью, журнал не давал более никакой пищи для размышлений и имп не пожалел, закрыв книгу; в комнате была еще уйма интересных предметов.

Новое облачение Барджина, коническая шляпа и дорогая пурпурная, расшитая красным, мантия висели у кровати. Вышитый на мантии символ напоминал символ Талоны – три слезинки в углах треугольника – этот же представлял собой трезубец, на концы которого были надеты каплевидные бутылочки, похожие на ту, в которой сейчас хранилось Проклятие Хаоса. Барджин лично придумал этот символ, и только у Рэгнара были какие-то возражения.

– Так ты желаешь нести слово своей богини, – побормотал Друзил, когда обнаружил спальный мешок Барджина, свернутую палатку и упакованный рюкзак под кроватью. Он потянулся ко всему этому, затем внезапно отпрыгнув назад, почувствовав магию в этой куче. Он ощутил начало телепатического контакта, но не от Абалистера. Имп нетерпеливо залез под кровать и вытащил всю кучу наружу, сразу поняв, что источником контакта была зачарованная булава Барджина.

– Кричащая Дева, – сказал Друзил, повторив телепатическое заявление предмета и осматривая его. Обсидиановое навершие было выполнено в виде хорошенькой девичьей головы, странно безвредной и привлекательной. Но Друзил видел сквозь нелепый внешний вид. Он знал, что это было оружие не с материального плана, а скорее всего было выковано в Абисе, или в Девяти Адах, или в Тартерусе, или еще в каком из нижних планов. Она явно была настоуже и очень голодна. Больше, чем что-либо еще Друзил чувствовал ее голод, ее жажду крови. С веселым удивлением он смотрел, как головка булавы в подтверждение этого искривилась страшной гримасой, а клыкастая пасть широко открылась.

Друзил сложил свои мягкие, с подушечками, лапки вместе и зло улыбнулся. Его уважение к священнику продолжало расти, ибо любой смертный, осмелившийся взять в руки такое оружие должен обладать исключительным могуществом. По замку ходили слухи, в которых явно чувствовалось презрение, что Барджин не желает пользоваться отравленным кинжалом – обычным оружием жрецов Талоны, но увидев это оружие так близко и почувствовав его мощь, Друзил согласился с выбором священника. Внутри скатанной палатки Друзил нашел жаровню и треножник с почти таким же запутанным руническим рисунком, как и у Абалистера.

– Так ты и приколдовываешь, Барджин, – прошептал имп, раздумывая к чему это может привести в будущем. Друзил уже представлял себе, на что была бы похожа его жизнь, если бы он пришел на зов Барджина, а не Абалистера.

В туго набитом рюкзаке были и другие удивительные вещи. Друзил нашел глубокий, украшенный камнями платиновый кубок, который был без сомнения по карману лишь монархам. Друзил аккуратно поставил его на пол и снова залез в рюкзак, взволнованный, как голодный орк, засунувший руку в крысиную нору.

Он вынул твердый и тяжелый предмет размером с кулак, завернутый в черную ткань. Что бы ни было внутри, оно источало магическую энергию, и Друзил приподнял лишь краешек ткани, чтобы заглянуть внутрь. В огромном черном сапфире он узнал камень некроманта и быстро закрыл прикрывающую его ткань. Если такой камень полностью открыть, то он пошлет зов мертвым, вызывая призраков или гулей или еще какую нежить оказавшуюся поблизости.

Похожими магическими свойствами обладал небольшой керамический пузырек, который Друзил осмотрел в следующую очередь. Он снял крышку и понюхал, чихнув, когда в его широкий нос попало немного пепла.

– Прах? – с любопытством прошептал имп, заглядывая внутрь. Под черной тканью запульсировал камень некроманта и Друзил все понял. – Давно мертвый дух, – пробормотал он, быстро закрыв пузырек.

Больше ничего интересного там не было, так что Друзил аккуратно все свернул и уложил вещи на их старые места. Он запрыгнул на удобную кровать, спокойный со своей невидимостью, и расслабился, взвешивая все, о чем узнал. Этот Барджин был разносторонним человеком – священник, маг, генерал, занимающийся волшебством, некромантией и ни за что не догадаешься чем еще.

– Да, очень находчивый человек, – решил Друзил. Он уже так не волновался за судьбу Проклятия Хаоса. Он на мгновение телепатически связался с Абалистером, просто чтобы убедиться, что собрание было в разгаре, затем поздравил себя со своей хитрой выходкой и заложил пухлые лапки за голову.

Скоро он уже крепко спал.

* * *

– У нас есть только одна подходящая бутылка, – сказал Абалистер, представлявший волшебников. – Вечно дымящиеся устройства очень трудно создать, это требует редких камней и металлов, и мы все знаем, как дорого было сварить даже небольшое количество зелья. – Он почувствовал сверлящий его взгляд Барджина при упоминании денег.

– Не говори о Смертельном Ужасе, как о простом зелье, – повелел предводитель жрецов. – Может когда-то он и был просто зельем, но сейчас он – гораздо большее.

– Туанта Квири Минакай, – благоговейно произнесли два других священника, изуродованные шрамами люди, каждый дюйм кожи которых был покрыт корявыми татуировками.

Абалистер тяжело вернул взгляд. Ему очень хотелось указать на лицемерие Барджина, подбить других священников на действия против него, но Абалистер мудро сдержал кипевшую в нем ярость. Он знал, что обвинения против Барджина дадут совершенно противоположные

результаты, и он сам станет объектом “праведного” гнева. Абалистер должен был признать, что оценка священника Друзилом была верной. Он действительно забрал всю власть.

– Смешивание Смертельного Ужаса, – уступил Абалистер, – Исчерпало наши ресурсы. Начать все сначала и сварить еще, а также найти новую бутылку, может оказаться невозможным.

– Зачем нам все эти склянки? – прервал его Рэгнар. – Если эта болтанка так хороша, как ты говоришь, тогда... – Ответ Барджина последовал немедленно.

– Смертельный Ужас – всего лишь посланник Талоны, – спокойно объяснил священник. – Сам по себе он не бог, но поможет подчинить нам других последователей Талоны.

Глаза Рэгнара опасно сузились. Было ясно, что далеко не безграничное терпение огриллона только что иссякло.

– Все твои последователи принимают Туанта Кви́ро Минакай, – напомнил Барджин Рэгнару. – Принимают всем сердцем. – Рэгнар откинулся обратно на кресло и вздрогнул, поняв намек.

Абалистер некоторое время пристально разглядывал Барджина, пораженный тем, с какой легкостью он успокоил огриллона. Барджин был высоким, сильным человеком, но он не шел ни в какое сравнение с Рэгнаром. Обычно, для огриллона имела значение только физическая сила, так что он проявлял к священникам и магам еще меньше уважения, чем к рядовым солдатам. Впрочем, Барджин был исключением; особенно в последнее время, Рэгнар не придирался к нему по любому поводу.

Все это озадачило, но не удивило Абалистера. Он знал, что могущество Барджина простиралось далеко за пределы его физической оболочки. Барджин был очень обаятельной личностью, тонким стратегом, прежде всего взвешивающим настроения своих оппонентов, пользующийся заклинаниями так же часто, как и просто подвернувшимися обстоятельствами, чтобы повлиять на тех, кого хочет уничтожить. Всего несколько недель назад в злом братстве был раскрыт заговор. Единственный пленник, несмотря на страшные пытки, не отвечал на вопросы Рэгнара, а Барджин разговорил изуродованного человека уже через час и тот с радостью выложил все, что знал о заговорщиках.

Ходили слухи, что несчастный действительно верил, что Барджин был его другом, до того самого момента, когда священник разбил ему голову. Абалистер не сомневался в правдивости этих слухов и не был удивлен. Вот как работал Барджин: немногие могли противостоять его обаянию. Абалистер знал немного о бывшем боге Барджина, потерянного в бесплодных землях Ваазы, но заклинания, видимые им в исполнении изгнанника, далеко выходили за пределы доступных священникам. Абалистер снова обратился к слухам в поисках ответов: по углам шептались, что Барджин занимался не только жреческой, но и колдовской магией.

Когда задумавшийся Абалистер снова обратил свое внимание к собранию, Барджин все еще с почтением говорил о зелье. Его болтовня держала в благоговейном ужасе двух других священников и бойцов Рэгнара. Абалистер покачал головой, но не осмелился прервать его. Он снова задумался о пути, по которому сейчас шел, о том, как аватар привела его к Друзилу, а тот дал ему рецепт. Затем аватар привела Барджина в Замок Троицы. Эту часть головоломки он никак не мог понять. После года наблюдений за священником у Абалистера осталось убеждение, что Барджин не был верным последователем Талоны. Он снова напомнил себе, что Барджин, искренен он или нет, значительно способствует делу Талоны, и именно благодаря кошельку и влиянию Барджина вся округа может скоро быть объявлена владениями его богини.

Абалистер тяжело вздохнул; таковы были парадоксы хаоса.

– Абалистер? – спросил Барджин.

– Рэгнар интересуется необходимостью бутылок, – вежливо пояснил он.

– Ах, да, бутылки... – запинаясь, начал Абалистер. – Зел... Смертельный Ужас силен и без них. Для того, чтобы подействовало, нужно незначительное количество эликсира, но

и эффект продлится недолго. С вечно дымящейся бутылкой дым будет идти все время. Мы создали всего несколько капель, но, я полагаю, этого достаточно, чтобы поддерживать испарение в течении месяцев, может быть лет, если пропорции соблюдены верно. – Барджин посмотрел вокруг и обменялся кивками со своими компаньонами.

– Мы решили, что посланник Талоны готов, – провозгласил он.

– Вы, чего... – не веря своим ушам, пробормотала Дориген.

Абалистер долго и тяжело смотрел на Барджина. Он намеревался сам руководить собранием и сообщить, к чему клонил священник; но опять тот был на шаг впереди его и испортил неожиданность.

– Мы представители Талоны, – холодно ответил Барджин ошеломленной Дориген. Его компаньоны тупо наклонили свои головы.

Сжатые пальцы Абалистера чуть не раздавили дубовый подлокотник.

– Наша богиня говорила с нами, указала нам свои желания, – самодовольно продолжал Барджин. – Наши завоевания скоро начнутся! – Рэгнар грохнул по столу кулаком, выражая свое согласие; вот теперь священник говорил понятно для него.

– И кому же вы хотите дать нести бутылку? – напрямую спросил он.

– Я понесу, – быстро отозвался Абалистер. Услышав свои слова, он понял, что его требование было жестом отчаяния, последней попыткой спасти свою власть.

Барджин одарил его скептическим взглядом.

– Это я встретил аватара Талоны, – настаивал Абалистер, – Именно я нашел рецепт Проклятия Хаоса.

– За это мы благодарим тебя, – отметил священник снисходительным тоном. Абалистер начал протестовать, но вскоре сник, услышав магическое послание. *Не доводи до греха, маг,* тихо предупредил Барджин.

Абалистер понимал всю ответственность момента. Если он поддастся сейчас, то, возможно, ему уже никогда не восстановит свое положение в Замке Троицы. Но если он сейчас начнет препираться с Барджином, то, учитывая все религиозное рвение, которое тот разбудил в людях, он наверняка расколется орден и вряд ли соотношение сил будет в его пользу.

– Само собой, бутылку понесут жрецы Талоны, – ответил Барджин Рэгнару. – Мы ее истинные последователи.

– Вы всего лишь часть правящего триумvirата, – осмелился напомнить ему Абалистер. – Не стоит приписывать себе все заслуги. – Но Рэгнар видел все это в совсем другом свете.

– Оставь это священникам, – потребовал он.

Удивление Абалистера испарилось, как только он понял, что с недоверием относящийся к магии воин был очень рад, что ему не придется нести бутылку.

– Согласен, – встрял Барджин. Абалистер собрался, было говорить, но Дориген накрыла его руку своей и взглядом умоляла его молчать.

– Тебе есть что сказать, дорогой волшебник? – спросил Барджин.

Абалистер помотал головой и заерзал в своем кресле, погружаясь в пучину отчаяния.

– Вот и договорились, – сказал Барджин. – Проклятие Хаоса обрушится на наших врагов, принесенное моими помощниками, – он по очереди кивнул двум сидящим рядом с ним священникам.

– Нет! – вскрикнул Абалистер, видя возможность получить выгоду из сложившейся ситуации. Все взгляды обратились на него; волшебник увидел, как Рэгнар положил руку на эфес меча. – Твои помощники? – спросил волшебник, и сейчас уже его голос звучал скептически.

– Разве это не прямой посланник нашей богини? – говорил он. – Разве это не объект наших стремлений? Нет, только Барджин подходит для такой ответственности. Только он может принести господство хаоса. – Собрание как один обернулось к Барджиному, и Абалистер вернулся на свое место, полагая что, наконец, перехитрил пронырливого жреца. Если ему

удастся убрать Барджина на время из Замка Троицы, он мог бы восстановить свое положение главного спикера братства. Неожиданно священник не стал спорить.

– Хорошо, я понесу, – сказал он. Посмотрев на двух других обескураженных жрецов, он добавил: – И я пойду один.

– Все веселье тебе? – пожаловался Рэгнар.

– Всего лишь первая битва этой войны, – ответил Барджин.

– Мои воины хотят сражаться, – продолжал Рэгнар. – Они жаждут крови!

– Этого вам хватит, и еще останется! – фыркнул Барджин. – Но я пойду первым и ослаблю врагов. Когда я вернусь, Рэгнар поведет второй штурм.

Кажется это удовлетворило огриллона, и Абалистер понял хитрый замысел Барджина. Уйдя один, священник не только оставит армию своих верноподданных жрецов присматривать за всем, но он так же оставит Рэгнара с его солдатами. Жаждающий власти огриллон, подначиваемый оставшимися священниками не даст Абалистеру и магам твердо встать на ноги.

– Где же все начнется? – спросил Абалистер. – И когда?

– Следует подготовиться перед отходом, – ответил Барджин, – Сделать вещи, которые только священник, истинный последователь, сможет понять. Что же до места, пусть это тебя не тревожит.

– Но... – начал Абалистер, но его тут же прервали.

– Только Талона может мне сказать, – решительно заявил Барджин.

Абалистер бросил на него яростный взгляд, но ничего не сказал. Барджин был скользким оппонентом; каждый раз, как Абалистер загонял его в угол, он всего лишь называл имя своей богини, как будто это было ответом на все вопросы.

– Решение принято, – не слыша возражений, продолжал Барджин. – Собрание окончено.

* * *

– Ой, да уйди ты, – промямлил Друзил и телепатически, и вслух. Абалистер искал его, пытаясь пробраться в его мысли. Друзил улыбнулся от сознания своего превосходства в этом виде общения и лениво перевернулся на другой бок.

Затеи имп понял, что мог означать зов Абалистера. Он быстро вскочил и заглянул в мысли Абалистера только чтобы понять, что тот уже вернулся в свою комнату. Друзил не намеревался задерживаться так долго и хотел быть подальше отсюда, когда собрание закончится.

Друзил сидел очень тихо, пока не открылась дверь, и в комнату не вошел Абалистер.

Будь он чуть повнимательнее, священник наверняка бы заметил невидимое присутствие. Но у Барджина голова была занята другими вещами. Он бросился к кровати и Друзил отшатнулся, подумав, что он собирается напасть на него. Но Барджин упал на колени и потянулся к своему мешку и зачарованной булаве.

– Ты и я, – сказал Барджин оружию, держа его перед собой, – Мы прославим имя их богини и пожнем награды хаоса. Слишком давно ты не пила людской крови, милая моя, слишком давно. – Булава, конечно, не могла ответить, но ему показалось, что улыбка на хорошенькой девичьей головке стала шире.

– А ты, – сказал Барджин в свой мешок, насколько Друзил мог судить – керамическому флакону. – Принц Халиф. Может, настало тебе время снова ступать по земле. – Барджин захлопнул рюкзак и разразился таким искренним смехом, что Друзил чуть к нему не присоединился.

Имп напомнил себе, что он и Барджин не были еще официально представлены, а Барджин наверняка окажется серьезным противником. К счастью для импа Барджин в спешке забыл закрыть дверь. Друзил сполз с кровати, используя смех Барджина как прикрытие, и выскочил за дверь, не забыв произнести пароль для глифов.

* * *

Барджин покинул Замок Троицы пять дней спустя, неся с собой Проклятие Хаоса. Он путешествовал с небольшим конвоем воинов Рэгнара, но они должны проводить его только до человеческого поселения Карадон, возле озера Импреск, на юго-восточных отрогах Снежных Гор. Оттуда Барджин пойдет один, но куда – он и другие священники отказались открыть лидерам Замка Троицы.

В самой крепости Абалистер и другие священники терпеливо ждали, уверенные, что их время настанет. На войска Рэгнара такой терпимостью не отличались. Огриллон хотел битвы, хотел начать наступление прямо сейчас. Впрочем, Рэгнар не был таким уж дураком. Он знал, что его маленькая армия, всего в несколько сотен человек, если только он не убедит соседние племена гоблинов присоединиться, не сможет завоевать озеро, горы и лес.

И все-таки, несмотря на все увещевания, Рэгнар был голоден. Со своего первого дня пребывания в Замке Троицы он поклялся отомстить лесу Шимиста, отомстить эльфам, которые разбили его племя и выгнали его и других беженцев из леса.

Каждый обитатель Замка Троицы, начиная рядовыми солдатами и кончая волшебниками и жрецами, говорили о том дне, когда они вылезут из своих нор и обрушатся на окрестности. Теперь все затаили дыхание, ожидая возвращения Барджина, ожидая подтверждения, что завоевания начались.

Глава 6. Пыль и вода

Фигура с надвинутым на лицо капюшоном медленно надвигалась на Данику. Полагая, что это представитель одной из мрачных и загадочных сект, – а такие монахи обычно были враждебны и опасны, желая испробовать свои навыки борьбы против любых других встреченных ими монахов, – женщина быстро собрала пергаменты, которые изучала, и быстро отошла к другому столу.

Высокая фигура, лицо которой было совершенно невидно, пошла за ней, шаркая по полу ногами.

Даника огляделась. Было уже поздно; этот читальный зал на втором этаже библиотеки был почти пуст, и Даника решила, что настало время и ей удалиться. Она поняла, что была слишком измотана, и, возможно, воображение ее разыгралось.

Фигура приближалась, медленно, угрожающе, и Данике подумалось, что никакой это вовсе не монах. Какие ужасы может скрывать этот капюшон? Она снова собрала пергаменты, и смело направилась к главному проходу, хоть это и означало пройти мимо странной фигуры.

Рука поймала ее за плечо. Даника задохнулась, так и не сумев крикнуть, и прыгнула, чтобы встретиться лицом с тенью под капюшоном, потеряв при этом почти все свои свитки. Когда она смогла рассуждать здраво, то поняла, что вовсе не костлявая длань мертвеца держит ее ледяной хваткой. Это была рука человека, теплая и мягкая, а возле ногтей можно было увидеть чернильные пятна.

Рука переписчика.

– Не бойся, дитя, – проскрежетал призрак.

Даника слишком хорошо знала этот голос, чтобы ее можно было провести, слегка изменив его. Она нахмурилась и скрестила руки на груди. Поняв, что шутка кончилась, Каддерли убрал руку с ее плеча и быстро сдернул капюшон.

– Приветик! – сказал он, улыбаясь так широко, как будто мог заразить своей улыбкой хмурю Данику. – Я подумал, что найду тебя здесь.

Молчание Даники не предвещало ничего хорошего.

– Тебе нравится мой наряд? – продолжал Каддерли. – Я должен был выглядеть внушительно, чтобы пробраться мимо шпионов Авери. Они повсюду, а Руфо теперь, когда нам обоим хорошенько досталось, еще пристальнее следит за мной.

– Поделом вам обоим! – бросила Даника. – После того, что вы натворили в большом зале.

– Ну, теперь мы моем полы, – согласился Каддерли, смиренно пожав плечами. – Везде, каждый день. Прошло уже две очень долгих недели, а впереди еще две.

– Даже больше, если учитель Авери поймает тебя здесь, – предупредила Даника. – Каддерли помотал головой и воздел руки.

– Я мыл кухню, – объяснил он. – Иван и Пикел выкинули меня оттуда. “Эт’ моя кухня, парень!” – сказал Каддерли, имитируя голос дварфа, упершись руками в бедра и раздувая грудь. – Если что надо почистить, справлюсь и без тебя. Мне не нужен какой-то...

Даника напомнила ему вести себя потише и увлекла его в сторону, под прикрытия книжных шкафов.

– Это был Иван, – сказал Каддерли. – Пикел все больше молчал. Так что если кухню когда-нибудь и почистят, то это сделают дварфы. И это есть хорошо. Час работы там отобьет аппетит у меня очень надолго.

– Это вовсе не освобождает тебя от работы, – возразила Даника.

– А я работаю, – притворно возмутился Каддерли. Он отогнул полу своего тяжелого шерстяного плаща и предъявил некий гибрид сандалия и половой щетки. – Каждый сделанный мною шаг делает библиотеку чуточку чище.

Данике нечего было возразить на такое. На самом деле она была рада, что Каддерли пришел навестить ее. Она его редко видела последние две недели и обнаружила, что очень по нему скучает. А также, если подходить с практической стороны, она никак не могла разобрать некоторые пергаменты, а Каддерли был как раз тем человеком, который мог ей помочь.

– Не сможешь мне с этим? – спросила она, поднимая упавшие свитки.

– Мастер Пенпанг Д’Ан? – спросил ничуть не удивленный Каддерли. Он знал, что Даника пришла в библиотеку изучить собрание работ Пенпанга Д’Ана из Аманата, монаха, достигшего вершин мастерства и умершего пятьсот лет назад. Орден Даники был маленьким и скрытным, и немногие в этой части Королевств знали о Пенпанге Д’Ане, но те, кто изучал методики борьбы и концентрации, были всецело захвачены его философией. Каддерли видел лишь небольшую часть заметок Даники, но они заинтриговали его, и уж тем более ему не приходилось сомневаться в боевых умениях Даники. Более половины гордых жрецов Огмы расхаживали, потирая свежие синяки, с тех пор, как горячая молодая женщина приехала в библиотеку.

– Я вот не очень уверена в этом месте, – объяснила Даника, расстилая пергамент по столу.

Каддерли подошел к ней и осмотрел свиток. Он начинался изображением скрещенных кулаков, указывающих на то, что речь пойдет о боевых искусствах. Каддерли прочел:

– Гигель Нугель, – он задумался на секунду. – Железный череп. Прием называется Железный Череп. – Даника с размаху треснула кулаком по столу.

– Так и думала! – сказала она. – Каддерли почти боялся спросить.

– Это что?

Даника поднесла пергамент поближе к лампе, указывая на маленький, почти стершийся рисунок в нижнем углу. Каддерли рассмотрел его поближе. На нем был изображен большой камень, покоящийся на голове человека.

– Это должно быть изображение Пенпанга Д’Ана? – спросил он.

Даника кивнула.

– Ну, теперь мы знаем, как он умер, – хохотнул Каддерли.

Даника забрала у него пергамент, считая юмор здесь неуместным. Иногда непосредственность Каддерли переходила границы ее терпения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.